Издательство „БУНТАРЬ“.

Михаилъ Бакунинъ.

Богъ и Государство.

Духъ разрушенія есть въ то же время созидающій духъ.

Изданіе Соединенной Группы Анархистской пропаганды.

МОСКВА—ПЕТРОГРАДЪ.

1918 г.

Типографія Л. Федорова, Б. Дмитровка, д. 15. Тел. 59-32.

Издательство „БУНТАРЬ“.

Михаилъ Бакунинъ.

Богъ и Государство.

Духъ разрушенія есть въ то же время созидающій духъ.

Изданіе Соединенной Группы Анархистской пропаганды.

МОСКВА — ПЕТРОГРАДЪ.

1918 г.

Предисловіе Элизе Реклю и Кафіеро.

„И друзьямъ, и врагамъ Бакунина извѣстно величіе его идей и его несокрушимая энергія; извѣстно также, съ какимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ онъ смотрѣлъ на богатство, чины, славу, на всѣ несправедливыя преимущества, поддерживать которыя большинство человѣчества имѣетъ достаточно подлости. Русскій дворянинъ, покинувшій на родинѣ обширныя помѣстья, онъ одинъ изъ первыхъ примкнулъ къ обществу непримиримыхъ мятежниковъ, отрясшихъ отъ ногъ прахъ традицій и предразсудковъ, отрекшихся отъ національныхъ и классовыхъ интересовъ и ставящихъ ни во что свой собственный комфортъ. Вмѣстѣ съ ними велъ онъ суровую битву жизни; какъ и они, долгіе годы томился въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ, переносилъ всѣ опасности и лишенія, которыя приходится претерпѣвать самоотверженнымъ людямъ въ теченіе ихъ подвижнической жизни.

Простой камень съ именемъ Бакунина отмѣчаетъ то мѣсто на Бернскомъ кладбищѣ, гдѣ зарытъ его прахъ. Но чтобы запечатлѣть въ памяти потомства образъ этого великаго революціонера, далекаго отъ всякой суетности, не нужна надгробная надпись и, вѣроятно, его друзья и послѣдователи никогда не воздвигнутъ ему тщеславнаго памятника. Они знаютъ, какимъ громкимъ смѣхомъ отвѣтилъ бы онъ на предложеніе такимъ способомъ увѣковѣчить его славу. Единственный достойный способъ чтить его память это—продолжать дѣло его жизни съ тою же энергіей и упорствомъ, съ какимъ трудился онъ самъ. А завѣщанное имъ дѣло, поистинѣ, велико и трудно; и никто еще изъ учениковъ его не далъ для дѣла революціи и сотой доли того, что далъ Бакунинъ.

Въ Россіи среди студентовъ, въ Германіи среди дрезденскихъ инсургентовъ, въ Сибири среди своихъ собратій по изгнанію, въ Америкѣ, въ Англіи, во Франціи, въ Швейцаріи, въ Италіи среди пробуждающагося народа, пронесся онъ, какъ потокъ лавы, воспламеняя все на своемъ пути. Оригинальность его идей, образность и пылкость его краснорѣчія, неутомимая энергія въ пропагандѣ, наряду съ прирожденнымъ величіемъ его личности и съ могучей жизненностью, открывали Бакунину доступъ ко всѣмъ революціоннымъ группамъ, и его вліяніе сильное сказалось вездѣ и на всѣхъ, даже на тѣхъ, которые сначала встрѣтили его съ распростертыми объятіями, а потомъ оттолкнули вслѣдствіе различія въ цѣли и методѣ.

Корреспонденція его была очень обширна: онъ цѣлыя ночи напролетъ писалъ длинныя письма къ своимъ друзьямъ изъ революціоннаго міра, и нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, написанныя для того, чтобы подкрѣпить робкихъ, подбодрить лѣнивыхъ, или начертать планъ пропаганды или возстанія, приняли размѣры цѣлыхъ томовъ. Эти письма болѣе, чѣмъ что-либо другое, выясняютъ огромное значеніе Бакунина въ революціонномъ движеніи XIX столѣтія.

Брошюры, изданные имъ на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ, какъ бы ни были онѣ цѣнны для даннаго момента въ дѣлѣ выясненія идей Бакунина, имѣютъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ его письма. Настоящій трактатъ „Богъ и Государство“ не болѣе какъ отрывокъ изъ письма. Написанный съ обычной для Бакунина манерою, онъ страдаетъ свойственнымъ всѣмъ его произведеніямъ недостаткомъ пропорціональности и законченности. Мы напрасно старались найти конецъ рукописи: его не оказалось. У Бакунина никогда не хватало времени, чтобы окончить начатое. Не успѣвалъ онъ окончить одно, какъ надо было приниматься за другое.

„Самая моя жизнь не болѣе какъ отрывокъ“, сказалъ онъ однажды критику его литературныхъ прозведѣній. Тѣмъ не менѣе читатели настоящаго трактата, вѣроятно, не пожалѣютъ, что онъ напечатанъ, хотя и не въ полномъ видѣ. Прямо обращаясь только къ своимъ честнымъ оппонентамъ, Бакунинъ доказываетъ имъ несостоятельность ихъ вѣрованія въ ту божественную власть, на которой основаны всѣ земныя власти; онъ

доказываетъ имъ чисто человѣческое происхожденіе всѣхъ правительствъ; въ заключеніе, не останавливаясь на обсужденіи основъ государства, уже осужденныхъ общественной нравственностью, каковы физическое превосходство, насиліе, дворянство, богатство и проч., онъ не оставляетъ камня на камнѣ и въ Кантовской теоріи передачи управленія въ руки ученыхъ. Дѣйствительно: предположимъ даже, что среди конфликта честолюбій и интригъ было бы возможно распознать, кто мнимые и настоящіе ученые; допустимъ что была бы найдена такая система выборовъ, при которой власть была бы передана въ руки людей, обладающихъ истиннымъ знаніемъ; какую гарантію мудрости и честности управленія могли бы они предложить намъ? Никакой! Наоборотъ, почти съ увѣренностью можно сказать, что эти новые хозяева предались бы тѣмъ же самымъ безумствамъ и тѣмъ же самымъ преступленіямъ, какъ и прежнія. Это произошло бы, во-первыхъ, потому, что наука не есть нѣчто законченное: она постоянно развивается, и нынѣшній ученый не болѣе какъ невѣжда для завтрашняго дня. Пусть онъ только разъ вообразитъ, что достигъ предѣла совершенства, и одной этой причины достаточно, чтобы онъ спустился ниже только что родившагося ребенка. Но даже если бы ему и удалось познать истину въ самой ея сущности, получивъ власть, онъ неизбѣжно употребилъ бы ее во зло. Чтобы утвердить свое господство, онъ долженъ стараться, подобно всякому главѣ государства, задерживать жизнь массъ, движущихся ниже его, держать ихъ въ невѣжествѣ, чтобы сохранить спокойствіе, и постепенно унижать ихъ, чтобы управлять ими съ болѣе высокаго трона.

Впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ появились „доктринеры", настоящіе или мнимые геніи не разъ брали уже въ свои руки управленіе скипетромъ міра, и мы знаемъ во что это намъ обошлось. Мы видѣли ихъ за работой, всѣхъ этихъ ученыхъ: они были тѣмъ суровѣе, чѣмъ больше они учились; тѣмъ уже въ своихъ взглядахъ, чѣмъ больше времени они посвятили всестороннему изученію какого-нибудь единичнаго факта. Безъ всякой жизненной опытности, потому что они долгое время не знали другого горизонта, кромѣ стѣнъ своего кабинета, они отличались ребяческими причудами и дѣтскимъ тщеславіемъ, были неспособны къ серьезной борьбѣ и никогда не могли научиться распознавать истинное соотношеніе вещей.

Не были ли мы недавно свидѣтелями основанія цѣлой школы „мыслителей“,—низкихъ льстецовъ и людей неопрятной жизни, которые построили цѣлую космогонію ради своей собственной выгоды? Согласно ихъ теоріи, міры были сотворены, общества развивались, революціи опрокидывали обветшавшій строй, государства погибали въ крови, нищетѣ и болѣзняхъ только для того, чтобы выдвинулся какой-нибудь избранный изъ академиковъ, для пышнаго расцвѣта котораго всѣ остальные люди не болѣе какъ удобреніе. Всѣ другія человѣческія существа обречены на смерть для того, чтобы эти джентльмены сдѣлалися безсмертными!

Но мы можемъ быть спокойны: у всѣхъ этихъ академиковъ не найдется смѣлости Александра, разрубившаго мечомъ Гордіевъ узелъ. Управленіе при помощи науки сдѣлалось теперь такъ же невозможно, какъ и управленіе при помощи божественнаго права, богатства или грубой силы. Всѣ власти обречены отнынѣ на безжалостную критику. Люди, въ которыхъ зародилось чувство равенства, не потерпятъ болѣе, чтобы ими управляли, они научатся сами управлять собою. Низвергнувъ съ высоты небесъ родоначальника власти, люди низвергнутъ также всѣхъ тѣхъ кто царствовалъ его именемъ. Въ этомъ сущность грядущей революціи. Государство должно разрушиться, чтобы дать мѣсто новому строю, въ которомъ, какъ любилъ говорить Бакунинъ, „человѣческое правосудіе будетъ замѣнено божественною справедливостью“. И для этого грядущаго обновленія ни одинъ изъ революціонеровъ въ мірѣ не сдѣлалъ такъ много, какъ сдѣлалъ Михаилъ Бакунинъ.

Богъ и Государство.

Богъ и Государство.

Три элемента или три основныхъ принципа составляютъ въ исторіи главное условіе всякаго человѣческаго развитія, какъ коллективнаго, такъ и индивидуальнаго: 1) животная природа человѣка, 2) мысль и 3) духъ возмущенія. Сферой перваго элемента являются соціальныя и частныя экономическія отношенія, сферой второго—наука, третьяго свобода.

* *
*

Идеалисты всѣхъ школъ, аристократы и буржуа, теологи и метафизики, политики и моралисты, изслѣдователи религій, философы и поэты, а также и ученые экономисты,—необузданные поклонники идеала, какъ намъ извѣстно,—очень оскорбляются, когда имъ говорятъ, что человѣкъ съ его могучимъ умомъ, возвышенными идеями, съ его безпредѣльными стремленіями, подобно всему существующему въ мірѣ, есть не болѣе какъ продуктъ грубой матеріи.

Мы можемъ отвѣтить, что матерія, о которой говорятъ матеріалисты, матерія самопроизвольно и вѣчно движущаяся, активная, превращающая химическую энергію въ динамическую, матерія, проявляющая себя въ милліонахъ комбинацій механическихъ, физическихъ, животныхъ и разумныхъ силъ,—что эта матерія не имѣетъ ничего общаго съ грубой матеріей идеалистовъ. Послѣдняя, продуктъ ихъ ложныхъ теорій, дѣйствительно глупая, бездушная, инертная вещь, неспособная дать рожденіе малѣйшему творенію, caput mortuum, уродливая фантазія, придуманная только для контраста съ другой прекрасной фантазіей, которую они называютъ Богомъ. Какъ противополож-

ность этому высшему существу, матерія—ихъ матерія,—лишенная ими всего, что составляетъ ея истинную природу, неизбѣжно должна представлять величайшее ничтожество. Они отняли у матеріи разумность, жизненность, всѣ ея существенныя качества, активныя соотношенія силъ, самое движеніе, безъ котораго матерія не имѣла бы даже вѣса. Не оставивъ ей ничего, кромѣ непроницаемости и абсолютной неподвижности въ пространствѣ, всѣ эти природныя силы, свойства и проявленія они приписали воображаемому существу, созданному ихъ отвлеченной фантазіей; затѣмъ, перемѣнивъ роли, они назвали этотъ продуктъ своего воображенія, этотъ фантомъ, этого Бога (который есть ничто) „Высшимъ Существомъ", и какъ необходимое слѣдствіе отсюда, объявили, что дѣйствительная реальность, матерія, міръ,—есть ничто. Послѣ этой глубокомысленной манипуляціи, они серьезно говорятъ намъ, что эта матерія неспособна произвести ничего, неспособна даже придти сама собою въ движеніе, и слѣдовательно должна была быть сотворена Богомъ.

Кто же правъ, идеалисты или матеріалисты? Разъ этотъ вопросъ достаточно выясненъ, колебаніе дѣлается невозможнымъ. Несомненно, идеалисты неправы, а матеріалисты правы. Да, факты стоятъ впереди идеаловъ; идеалъ, какъ сказалъ Прудонъ, не болѣе какъ цвѣтокъ, корень котораго лежитъ въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Да вся исторія человѣчества, интеллектуальная и моральная, политическая и соціальная, не болѣе какъ отраженіе его экономической исторіи.

* *
*

Всѣ отрасли современной науки, истинной и безкорыстной науки, съ полной солидарностью провозглашаютъ одну великую и непреложную истину: соціальный міръ, собственно говоря, человѣческій міръ или человѣчество—есть ничто иное какъ высшее развитіе, высшее проявленіе животнаго міра, по крайней мѣрѣ, на нашей планетѣ, поскольку мы знаемъ. Но такъ какъ всякій процессъ развитія приводитъ въ концѣ-концовъ къ логическому отрицанію своихъ основныхъ предпосылокъ, то и развитіе человѣчества есть послѣдовательное и неуклонное освобожденіе отъ элементовъ животности. И именно въ процессѣ этой

эволюціи отъ животнаго къ человѣческому, какъ естественное и логически, и исторически необходимое его слѣдствіе, и возникаетъ міръ идей, міръ интеллектуальныхъ и нравственныхъ убѣжденій,—создаются руководящіе идеалы.

Да, наши первые прародители, наши Адамы и Евы были если не гориллы, то очень близкіе родственники гориллъ, всеядныя, разумныя и свирѣпыя животныя, одаренныя въ большей степени, чѣмъ животныя другихъ породъ, двумя драгоцѣнными способностями—способностью мыслить и склонностью къ протесту, къ бунту, къ революціи. Многообразныя комбинаціи этихъ двухъ способностей и составляютъ движущую силу историческаго процесса, ведущаго къ полному торжеству человѣческаго начала надъ животнымъ.

Библія, очень интересная и мѣстами очень глубокая книга, если ее разсматривать какъ одно изъ древнѣйшихъ проявленій человѣческой мудрости и фантазіи, очень наивно выражаетъ эту истину въ своемъ миѳѣ о первородномъ грѣхѣ. Егова изъ всѣхъ боговъ, которымъ покланялись люди, несомнѣнно самый завистливый, самый тщеславный, самый свирѣпый, самый несправедливый, самый кровожадный, самый деспотичный и самый враждебный человѣческому достоинству и свободѣ,— Егова создалъ Адама и Еву, чтобы удовлетворить неизвѣстно какому капризу, можетъ для того, чтобы имѣть нѣсколькихъ новыхъ рабовъ. Онъ великодушно предоставилъ въ ихъ распоряженіе всю землю, со всѣми ея плодами и животными, и только однимъ ограничилъ полноту радости жизни: онъ строго запретилъ имъ прикасаться къ плодамъ древа познанія. Слѣдовательно, онъ желалъ чтобы, человѣкъ, лишенный всякаго познанія самаго себя, вѣчно оставался животнымъ, вѣчно лазилъ на четверенькахъ передъ Богомъ „живымъ“, своимъ творцомъ и господиномъ. Но тутъ вступается Сатана, вѣчный мятежникъ, первый свободный мыслитель и эмансипаторъ міровъ. Онъ заставляетъ человѣка устыдиться своего животнаго невѣжества и своей покорности; онъ эмансипируетъ человѣка, побуждая его ослушаться и вкусить плода познанія.

Мы знаемъ, что было дальше. Милосердный Богъ, всевѣдѣніе котораго, составляющее одно изъ божественныхъ свойствъ, должно было предупредить его о томъ, что соверши-

лось, впалъ въ страшную и смѣшную ярость; онъ проклялъ Сатану, человѣка и созданный имъ самимъ міръ, поражая, такъ сказать, самого себя въ своемъ твореніи, подобно тому, какъ поступаютъ дѣти, когда разсердятся, и, не удовольствовавшись тѣмъ, что покаралъ нашихъ прародителей, онъ проклялъ ихъ во всѣхъ грядущихъ поколѣніяхъ, неповинныхъ въ преступленіи, совершенномъ ихъ предками. Наши католическіе и протестанскіе богословы находятъ этотъ поступокъ глубокомысленнымъ и справедливымъ именно потому, что это чудовищно несправедливо и нелѣпо. Затѣмъ вспомнивъ, что онъ не только Богъ мести и гнѣва, но также и Богъ любви, — послѣ того, какъ наполнилъ мученіями жизни нѣсколько билліоновъ бѣдныхъ человѣческихъ существъ и осудилъ ихъ на вѣчныя муки ада, онъ сжалился надъ остальными и, чтобы спасти ихъ и примирить свою вѣчную божественную любовь съ вѣчнымъ божественнымъ гнѣвомъ, постоянно жаждущимъ жертвъ и крови, онъ послалъ въ міръ, въ видѣ искупительной жертвы, своего единственнаго сына для того, чтобы онъ былъ убитъ людьми. Это называется тайной Искупленія. Эта тайна положена въ основу всѣхъ христіанскихъ религій. Еще если бы божественный Спаситель спасъ весь родъ человѣческій. Но, нѣтъ, въ обѣщанномъ Христомъ раю, какъ мы знаемъ, число избранныхъ будетъ очень невелико. Остальные, огромное большинство теперешнихъ и грядущихъ поколѣній, будутъ вѣчно горѣть въ аду. А пока, чтобы утѣшить ихъ, и всеблагій Богъ вручаетъ власть надъ землею Наполеонамъ Третьимъ, Вильгельмамъ Первымъ, Фердинардамъ Австрійскимъ и Александрамъ Всероссійскимъ.

И такія нелѣпыя сказки, такія чудовищныя доктрины преподаются при полномъ свѣтѣ девятнадцатаго столѣтія во всѣхъ народныхъ школахъ Европы по особому наказу правительствъ. Они называютъ это народнымъ просвѣщеніемъ! Не ясно ли, что всѣ правительства суть систематическіе отравители, корыстные мракобѣсы, насильники народной мысли?!

Таковы низкія и преступныя средства, которыя они употребляютъ для того, чтобы держать народы въ вѣчномъ рабствѣ, и безпрепятственно сдирать съ нихъ шкуру. Что значитъ преступленія всѣхъ Тропмановъ въ мірѣ по сравненію съ этимъ преступленіемъ измѣны человѣчеству, совершаемымъ среди бѣ-

лаго дня на всемъ пространствѣ цивилизованнаго міра тѣми, кто смѣетъ называть себя отцами народа?

И однако въ миѳѣ о первородномъ грѣхѣ Богъ соглашается, что Сатана былъ правъ: онъ признаетъ, что діаволъ не обманулъ Адама и Еву обѣщая имъ знаніе и свободу въ награду за проступокъ ослушанія, который онъ ихъ склонилъ совершить, такъ какъ непосредственно послѣ того, какъ они вкусили запрещеннаго плода, самъ Богъ сказалъ (см. Библію): „И вотъ люди сдѣлались какъ боги, знающіе добро и зло: и такъ не допустимъ ихъ вкушать плоды вѣчной жизни, чтобы они не сдѣлались безсмертными, подобно Намъ самимъ“.

* *
*

Оставимъ теперь въ сторонѣ баснословную часть этого миѳа и обратимъ вниманіе на его истинное значеніе, которое не можетъ имѣть двухъ толкованій. Смыслъ миѳа ясенъ: человѣкъ эмансипировался; онъ отдѣлился отъ животнаго міра и сдѣлался человѣкомъ; актомъ ослушанія познанія, т. е. возмущеніемъ мышленіемъ, онъ началъ свою отдѣльную человѣческую исторію и свое человѣческое развитіе.

Система идеалистовъ совершеннно противоположна этой. Она заключаетъ въ себѣ отрицаніе всего человѣческаго опыта и того всеобщаго здраваго смысла, который является первоисточникомъ всякаго человѣческаго познанія и который, исходя изъ простой давно признаной истины, что дважды два — четыре, подымается до самыхъ возвышенныхъ и сложныхъ научныхъ построеній, и отбросивъ все непровѣренное наблюденіемъ и опытомъ, является, повторяю, единственнымъ серьезнымъ основаніемъ человѣческаго знанія.

Постепенное развитіе матеріальнаго міра такъ же, какъ органической и животной жизни и исторической прогрессирующаго разума и въ отдѣльныхъ индивидахъ, и въ человѣческомъ обществѣ, вполнѣ понятно. Это совершенно естественная эволюція, отъ простого къ сложному, отъ низшаго къ высшему; эволюція, согласная со всѣмъ нашимъ ежедневнымъ опытомъ, и слѣдовательно согласная и съ законами нашего разсудка, который, образовавшись и развившись только при помощи этихъ самыхъ опытовъ, есть ихъ логическій продуктъ,

Идеалисты же вмѣсто того чтобы, руководствуясь опытомъ природы, слѣдовать отъ низшаго къ высшему, отъ простого къ сложному, отъ міра, называемаго неорганическимъ къ міру органическому, растительному, животному, а затѣмъ человѣческому, отъ матеріи какъ химическаго элемента къ матеріи какъ живому существу и отъ живого существа къ существу мыслящему, — идеалисты ослѣпленные, одержимые и руководимые божественнымъ фантомомъ, унаслѣдованнымъ ими отъ теологовъ, идутъ какъ разъ обратной дорогой. Они идутъ отъ высшаго къ низшему, отъ сложнаго къ простому. Они начинаютъ съ Бога, какъ личности или божественной субстанціи, и первый шагъ, который они дѣлаютъ, есть страшное паденіе съ высотъ вѣчной идеи въ ничтожество матеріальнаго міра; отъ абсолютнаго совершенства къ абсолютному несовершенству; отъ мысли къ матеріи, отъ высшаго существа къ ничтожеству. Когда, какъ и почему божественное Существо, вѣчное, безконечное, абсолютно-совершенное, вѣроятно надоѣвшее самому себѣ, рѣшилось на этотъ отчаянный сальтомортале,—этого ни одинъ идеалистъ, ни одинъ теологъ, ни одинъ метафизикъ, ни одинъ поэтъ никогда не были способны понять сами и объяснить профанамъ. Всѣ религіи прошлыя и настоящія и всѣ системы трансцендентальной философіи вертятся на этой единственной и предательской *) тайнѣ. Святые люди, вдохновенные законодатели, пророки, мессіи и проч. посвящали всю свою жизнь изслѣдованію этой тайны и находили только мученія и смерть. Подобно древнему сфинксу, она пожирала ихъ, потому что они не могли разгадать ее. Великіе философы, начиная съ Гераклита и Платона и кончая Декартомъ, Спинозою, Лейбницемъ, Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ, не говоря уже объ индусскихъ философахъ, написали кучи томовъ и построили системы настолько же возвышенныя, насколько и остроумныя, въ которыхъ они мимоходомъ высказывали многія великія и прекрасныя вещи и раскрывали безсмертныя истины, но всѣ они оставили эту тайну, глав-

---

*) Я называю эту тайну сотворенія, грѣхопаденія и искупленія человѣка— предательской потому, что она была и продолжаетъ быть санкціей для всѣхъ ужасовъ, которые совершались и совершаются въ мірѣ: я называю ее предательской потому, что всѣ другія теологическія и метафическія нелѣпости, унижающія человѣческій разумъ — ничто иное какъ ея необходимыя послѣдствія.

ный предметъ ихъ трансцендентныхъ изслѣдованій, такою же непостижимою, какою она была и раньше. Гигантскія усилія самыхъ замѣчательныхъ геніевъ, какихъ только зналъ міръ, предпринимавшихъ одинъ за другимъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, тридцати столѣтій снова и снова этотъ Сизифовъ трудъ, въ результатѣ привели къ тому, что эта тайна сдѣлалась еще болѣе непостижимой. Можно ли надѣяться, что она будетъ намъ открыта рутинными размышленіями какого-нибудь эпигона гальванизированныхъ метафизиковъ въ наши дни, когда всѣ здоровые и глубокіе умы отрясли отъ ногъ прахъ этой подозрительной науки, рожденной отъ незаконнаго сожительства неразумной вѣры съ трезвымъ научнымъ разумомъ.

* *
*

Очевидно, что эта ужасная тайна необъяснима, иначе говоря, нелѣпа, такъ какъ только абсурдъ не допускаетъ объясненій. Очевидно, что тотъ, кто находитъ ее существенной для своей жизни и счастія, долженъ отречься отъ здраваго разсудка и возвратиться, если онъ можетъ къ слѣпой, наивной, неразумной вѣрѣ, чтобы повторять вмѣстѣ съ Тертулліаномъ и другими вѣрующим фразу, въ которой заключается самая квинтъэссенція теологіи: „Credo quia absurdum".

Тогда всякіе споры прекращаются, и не остается ничего, кромѣ торжествующей глупости. Но тотчасъ же встаетъ другой вопросъ: какимъ образомъ интеллигентный и хорошо образованный человѣкъ можетъ чувствовать потребность вѣрить въ эту тайну?

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вѣра въ Бога, творца, распорядителя, судью и хозяина, то проклинающаго міръ, то изливающаго на него свои благодѣянія,—господствуетъ среди народа, особенно въ глухой провинціи, гдѣ она распространена несравненно больше, чѣмъ среди городского пролетаріата. Къ несчастію, народъ все еще очень невѣжествененъ, благодаря систематическимъ усиліямъ всѣхъ правительствъ, не безъ основанія полагающихъ, что невѣжество массъ — одно изъ главнѣйшихъ условій ихъ власти. Обремененный ежедневной работой, лишенный досуга, разумной бесѣды, чтенія, словомъ, всѣхъ средствъ

и побужденій развивающихъ въ человѣкѣ мышленіе, — народъ обыкновенно принимаетъ религіозныя традиціи безъ всякой критики, оптомъ. Эти традиціи окружаютъ его съ дѣтства во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и, искусственно поддерживаемыя въ умахъ множествомъ оффиціальныхъ отравителей всякаго рода, духовныхъ и свѣтскихъ, обращаются въ привычку, часто гораздо болѣе могущественную, чѣмъ здравый смыслъ.

Есть и другая причина, которая объясняетъ и до нѣкоторой степени оправдываетъ нелѣпыя вѣрованія народа, а именно: тяжелое положеніе, на которое народъ осужденъ экономическимъ строемъ общества даже въ наиболѣе культурныхъ странахъ Европы. Доведенный до минимума человѣческой жизни въ своихъ потребностяхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ такъ же, какъ и въ матеріальныхъ, стѣсненный въ своей жизни, какъ узникъ въ тюрьмѣ, безъ горизонтовъ, безъ просвѣта, даже безъ будущаго, если вѣрить экономистамъ, народъ имѣлъ бы узкую душу и грубые инстинкты буржуа, еслибъ онъ не чувствовалъ желанія найти выходъ изъ этого заколдованнаго круга.

Для осуществленія этого желанія у него есть три способа: два фантастическихъ и одинъ реальный. Первые два—кабакъ и церковь, развратъ тѣла и развратъ духа; третій—соціальная революція. Послѣдняя гораздо успѣшнѣе, чѣмъ всякая пропаганда свободныхъ мыслителей, разрушитъ религіозныя вѣрованія и измѣнитъ привычки народа, его вѣрованія и обычаи, имѣющіе между собою гораздо болѣе близкую связь, чѣмъ это принято обыкновенно думать. Замѣнивъ призрачныя и грубыя наслажденія физическаго и духовнаго распутства утонченными разнообразными наслажденіями развитаго человѣчества, соціальная революція, одна, будетъ имѣть власть одновременно запереть всѣ кабаки и всѣ церкви.

До тѣхъ поръ народъ, взятый какъ цѣлое, будетъ вѣрить, и хотя объекты вѣры и призрачны, но потребность въ ней неискоренима.

Существуетъ классъ людей, которые, если не вѣрятъ, то должны, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что вѣрятъ. Къ этому классу принадлежатъ всѣ мучители, всѣ угнетатели и эксплуататоры человѣчества: священники, монархи, государственные люди, солдаты, финансисты, чиновники всѣхъ ранговъ, полицейс-

кіе, жандармы, тюремщики и палачи, монополисты, капиталисты, сборщики податей, подрядчики и домовладѣльцы, адвокаты, экономисты, политики всѣхъ оттѣнковъ, купцы кончая самымъ мелкимъ торговцемъ пряниками. Всѣ они повторяютъ въ унисонъ слова Вольтера: „Если бы Бога не было, то его надо было бы изобрѣсти“, потому что „вы понимаете, народъ долженъ имѣть религію. Это—предохранительный клапанъ“.

Существуетъ, наконецъ, довольно многочисленный классъ честныхъ, но робкихъ душъ, которыя слишкомъ интеллигентны для того, чтобы серьезно принять всѣ христіанскіе догматы, но, отвергая ихъ въ подробностяхъ, они не имѣютъ достаточно мужества и рѣшимости цѣликомъ выбросить ихъ за бортъ. Они позволяютъ вамъ критиковать вопіющія нелѣпости религіи, вмѣстѣ съ вами подтруниваютъ надъ чудесами, но отчаянно цѣпляются за главный абсурдъ, источникъ всѣхъ другихъ абсурдовъ, за чудо, объясняющее и оправдывающее всѣ другія чудеса.— существованіе Бога. Ихъ Богъ не—сильное, могущественное существо, не—совершенно опредѣленный Богъ теологіи, а туманное призрачное существо, которое исчезаетъ и обращается въ ничто при первой попыткѣ опереться на него; это миражъ, ignis fatuus (блуждающій огонекъ), который не свѣтитъ и не грѣетъ. Но они крѣпко держатся за него и вѣрятъ, что если онъ исчезнетъ, то и все исчезнетъ вмѣстѣ съ ними. Это колеблющіяся, анемичныя души, заблудившіяся въ современной цивилизаціи, не принадлежащія ни къ настоящему, ни къ будущему, блѣдные призраки, вѣчно висящіе между небомъ и землей, между политикою буржуазіи и соціализмомъ пролетаріата. У нихъ нѣтъ ни энергіи, ни желанія, ни рѣшимости слѣдовать своимъ мыслямъ, и они теряютъ попусту время въ постоянныхъ мучительныхъ усиліяхъ примирить непримиримое. Въ общественной жизни они извѣстны подъ именемъ буржуа — соціалистовъ, конституціоналистовъ демократовъ и т. п. Не стоитъ терять времени на полемику съ ними: это друзья, которые никому не нужны, и враги, которые никому не страшны.

* *
*

Но есть нѣсколько замѣчательныхъ людей, о которыхъ никто не смѣетъ говорить безъ уваженія, сильный, здоровый умъ которыхъ, а также и благородство намѣреній не подлежатъ никакому сомнѣнію. Мнѣ достаточно назвать имена Мадзини, Мишле, Кинэ, Джона Стюарта Милля *). Благородныя и великія души, великія сердца, великіе умы, великіе писатели, (первый изъ нихъ герой и революціонеръ, возродившій великую націю), и однако всѣ они—апостолы идеализма, жестоко презирающіе матеріализмъ и ярые противники его, и слѣдовательно и соціализма также, какъ въ философіи, такъ и въ политикѣ. Имѣя въ виду этихъ противниковъ мы должны обсудить этотъ вопросъ.

Прежде всего надо принять во вниманіе, что ни одинъ изъ названныхъ мною великихъ людей, и, вообще, ни одинъ сколько-нибудь выдающійся идеалистъ-мыслитель нашихъ дней не обратилъ вниманія на собственно логическую сторону даннаго вопроса; ни одинъ не попытался философски установить возможность божественнаго сальтомортале изъ чистыхъ и вѣчныхъ областей духа въ прахъ матеріальнаго міра. Боялись ли они приблизиться къ этому непримиримому противорѣчію, не надѣясь разрѣшить его послѣ неудачъ великихъ геніевъ исторіи, или считали его уже достаточно выясненнымъ,—это ихъ тайна. Фактъ тотъ, что они не интересовались теоретическими доказательствами существованія Бога, принимая древность и всеобщность вѣрованія въ бытіе Божіе несомнѣннымъ и достаточнымъ доказательствомъ самаго факта этого бытія.

Это импонирующее единодушіе великихъ людей и писателей въ глазахъ многихъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ всѣ научныя доказательства. Если же нѣкоторые логичные и допустимъ, даже очень могучіе мыслители возставали противъ общепризнаной истины, „то тѣмъ же хуже для нихъ и ихъ логики“,

---

*) Стюартъ Милль, быть можетъ, единственный, въ серьезности идеализма котораго можно откровенно сомнѣваться по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что онъ былъ пламеннымъ поклонникомъ и послѣдователемъ позитивной философіи Огюста Конта, философіи, которая не смотря на значительныя уклоненія отъ истиннаго позитивизма все-же глубоко атеистична; во-вторыхъ, потому, что Стюартъ Милль былъ англичанинъ, а объявить себя въ Англіи атеистомъ значитъ подвергнуться остракизму, даже и въ наши дни.

говорятъ люди, подобные Джузеппе Мадзини и Жозефу де-Местру, „такъ какъ всеобщее и повсемѣстное, начиная съ первобытныхъ временъ и до нашихъ дней, признаніе какой-нибудь идеи, всегда считалось самымъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ ея истины". „Чувство цѣлаго міра, убѣжденіе, составившееся и поддерживаемое всегда и всѣми, не можетъ быть ошибочно; оно должно корениться въ потребности, присущей самой природѣ человѣка. И съ тѣхъ поръ, какъ установлено, что всѣ народы, прошедшіе и настоящіе, вѣрили и вѣрятъ въ существованіе Бога, ясно, что тѣ, кто имѣетъ несчастіе сомнѣваться въ немъ, какова бы ни была логика, приведшая ихъ къ этому сомнѣнію, суть исключенія, выродки, чудовища". Итакъ древность и повсемѣстность вѣрованія, хотя бы противнаго всякой наукѣ и логикѣ, считается достаточнымъ и безспорнымъ доказательствомъ его истины.

Почему? До временъ Коперника и Галилея всѣ вѣрили, что солнце вращается вокругъ земли. Развѣ всѣ не ошибались? Есть ли что-нибудь древнѣе и повсемѣстнѣе рабства? Быть можетъ, каннибализмъ? Отъ самаго начала историческихъ обществъ до нынѣшняго времени всегда и вездѣ существовала эксплуатація рабовъ, крѣпостныхъ, служащихъ, доминирующимъ меньшинствомъ, угнетеніе народа церковью и государствомъ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что эта эксплуатація и угнетеніе абсолютно нераздѣльны съ самымъ существованіемъ человѣческаго общества? Вотъ примѣры, показывающіе, что аргументъ поборниковъ Господа Бога ничего не доказываетъ. Въ дѣйствительности ничего нѣтъ повсемѣстнѣе и древнѣе несправедливости и абсурда; истина же и справедливость, наоборотъ, наименѣе распространенныя новообразованія въ развитіи человѣческаго общества.

Въ этомъ фактѣ заключается также объясненіе постоянно повторяющагося, историческаго явленія, а именно: преслѣдованіе тѣхъ, кто первый провозгласилъ истину какъ со стороны оффиціальныхъ, привилегированныхъ и корыстныхъ представителей „повсемѣстныхъ" и „древнихъ" вѣрованій, такъ же и со стороны народныхъ массъ, которыя, замучивши проповѣдниковъ истины, всегда кончали тѣмъ, что принимали ихъ идеи и способствовали ихъ всеобщему распространенію.

Для насъ, матеріалистовъ, и соціалистовъ-революціонеровъ, нѣтъ въ этихъ явленіяхъ ничего непостижимаго или ужаснаго. Сильные нашимъ сознаніемъ, нашей любовью къ истинѣ, во всѣхъ ея самыхъ жестокихъ проявленіяхъ, той страстью къ логикѣ, которая одна уже составляетъ великую силу и внѣ которой нѣтъ мысли; сильные нашей преданностью справедливости и непоколебимой вѣрой въ торжество человѣчности надъ всѣмъ теоретическимъ и практическимъ звѣрствомъ; сильные, наконецъ, взаимнымъ довѣріемъ и поддержкой, оказываемой намъ тѣми немногими, которые раздѣляютъ наши убѣжденія,—мы миримся съ неизбѣжностью этого историческаго явленія, въ которомъ видимъ проявленіе соціальнаго закона, такого же естественнаго, необходимаго и неизмѣннаго, какъ и всѣ другіе законы, управляющіе вселенной. Этотъ законъ есть логическое, неизбѣжное слѣдствіе животнаго происхожденія человѣка и человѣческаго общества, и въ виду всѣхъ научныхъ, физіологическихъ, психологическихъ и историческихъ доказательствъ, собранныхъ въ настоящее время, а также въ виду совершающихся событій, невозможно долѣе сомнѣваться въ этомъ.

Ну, а разъ мы допустимъ животное происхожденіе человѣка, тогда все объясняется само собой. Тогда исторія представляется намъ то тихимъ, апатичнымъ, лѣнивымъ, то страстнымъ и могучимъ революціоннымъ отрицаніемъ прошлаго. Точнѣе, она состоитъ въ постепенномъ отрицаніи первобытной животности человѣка посредствомъ развитія его человѣчности. Человѣкъ, дикое животное, двоюродный братъ гориллы, вышелъ изъ глубокой тьмы животныхъ инстинктовъ къ свѣту разума, и это объясняетъ вполнѣ естественнымъ путемъ всѣ его прошлыя ошибки и отчасти утѣшаетъ насъ въ его настоящихъ заблужденіяхъ. Онъ вышелъ изъ животнаго рабства и, пройдя черезъ божественное рабство,—переходное состояніе между его животностью и человѣчностью,—находится теперь на пути къ завоеванію и осуществленію человѣческой свободы.

Отсюда слѣдуетъ, что древность какого нибудь вѣрованія, какой нибудь идеи, далеко еще не говоритъ въ ихъ пользу, а скорѣе наоборотъ, подобныя идеи и вѣрованія должны казаться намъ подозрительными, такъ какъ позади насъ—наша животность, а впереди—наша человѣчность. Свѣтъ человѣчности—вотъ

единственное, что можетъ согрѣть и освѣтить насъ, единственное, что можетъ освободить насъ, дать намъ достоинство, свободу и счастіе, и осуществить между нами братство. И не въ мракѣ прошедшаго источникъ этого свѣта, а въ грядущихъ судьбахъ человѣчества. Небудемъ же никогда смотрѣть назадъ, будемъ всегда смотрѣть впередъ, потому что впереди наше солнце, впереди наше спасеніе.

И если позволительно и даже полезно и необходимо оглядываться назадъ и изучать наше прошлое, то лишь для того, чтобы установить, чѣмъ мы больше не должны быть; прослѣдить, во что мы вѣрили и что думали, чтобы больше въ это не вѣрить и такъ не думать; узнать, что мы дѣлали, и чего больше не должны дѣлать.

* * *

Вотъ все, что касается древности. Что же касается повсемѣстности какого-нибудь заблужденія, то это доказываетъ только одно: сходство, если не совершенное тождество человѣческой природы во всѣ вѣка и подъ всѣми широтами. И съ тѣхъ поръ какъ установлено, что всѣ народы во всѣ періоды ихъ жизни вѣрили и до сихъ поръ вѣрятъ въ Бога, мы должны просто заключить, что идея божества, исходящая отъ насъ самихъ, есть исторически необходимое въ развитіи человѣчества заблужденіе, и прослѣдить, почему и какъ оно появилось въ исторіи, и почему громадное большинство человѣческой расы до сихъ поръ принимаетъ его за истину.

Пока мы не прослѣдимъ шагъ за шагомъ пути, которымъ шло развитіе идеи сверхъестественнаго или божественнаго міра въ исторической эволюціи человѣческой совѣсти, всѣ научныя доказательства нелѣпости этой идеи будутъ тщетны, и пока мы не будемъ въ состояніи поразить ее въ самыхъ глубинахъ человѣческаго существа, гдѣ она зародилась, намъ никогда не удастся дискредитировать ее во мнѣніи большинства. Мы вѣчно будемъ осуждены на безплодную и безъисходную борьбу съ безчисленными проявленіями идеи, нелѣпость которой, будучи едва только разбита доводами здраваго смысла, снова появится въ не менѣе безсмысленной формѣ.

До тѣхъ поръ пока не будетъ уничтоженъ корень всѣхъ нелѣпостей, мучащихъ міръ, вѣра въ Бога останется нетронутой и все будетъ давать новые отпрыски. Такъ, въ настоящее время въ извѣстныхъ кружкахъ высшаго общества спиритизмъ имѣетъ тенденцію утвердиться на развалинахъ христіанства.

Не только въ интересахъ массъ, но и въ интересахъ нашего собственнаго здраваго смысла, мы должны стараться понять историческій генезисъ и цѣпь причинъ, обусловившихъ въ человѣческомъ сознаніи идею Бога. Тщетно будемъ мы называть и считать себя атеистами, пока не поймемъ этихъ причинъ, потому что до тѣхъ поръ на насъ всегда будутъ болѣе или менѣе влiять крики этой всемірной совѣсти, тайны которой мы не открыли, и, принимая во вниманіе народную слабость даже самыхъ сильныхъ индивидовъ противъ всемогущаго вліянія опутывающаго ихъ общественнаго мнѣнія, мы будемъ всегда въ опасности рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ, снова впасть въ бездну религіознаго абсурда. Примѣры подобныхъ „обращеній" нерѣдки въ современномъ обществѣ.

Выше я установилъ главную практическую причину той власти, которую до сихъ поръ имѣютъ надъ массами религіозныя вѣрованія. Эти мистическія тенденціи обусловливаются въ человѣкѣ не столько заблужденіемъ ума, сколько глубокимъ недовольствомъ сердца. Эго инстинктивный и страстный протестъ человѣческаго существа противъ узости, плоскости, горестей и стыда худой жизни. Отъ этихъ золъ есть, какъ я уже сказалъ, только одно лѣкарство,—соціальная революція.

* * *

Въ другихъ статьяхъ я старался показать причины зарожденія и развитія религіозныхъ галюцинацій въ человѣческой совѣсти. Здѣсь я намѣреваюсь трактовать вопросъ о существованіи Бога, или божественномъ происхожденіи міра и человѣка, единственно съ точки зрѣнія его моральной и соціальной полезности, и ограничусь лишь немногими словами о теоретическихъ основахъ этого вѣрованія, чтобы лучше пояснить мою мысль.

Всѣ религіи съ ихъ богами, полубогами, пророками, мессіями, святыми были созданы легковѣрной фантазіей человѣка,

не достигшаго еще полнаго развитія и полнаго обладанія своими способностями. Слѣдовательно, религіозное небо есть не что иное какъ миражъ, въ которомъ человѣкъ, экзальтированный вѣрою и невѣжествомъ, находитъ свой собственный образъ, но увеличенный и опрокинутый, т. е. обожествленный. Исторія религій, исторія рожденія, величія и упадка боговъ, которые одинъ за другимъ властвовали надъ человѣческими душами, есть слѣдовательно не что иное какъ развитіе коллективнаго ума и совѣсти человѣческаго рода. По мѣрѣ того какъ люди въ своемъ постепенномъ историческомъ движеніи впередъ находили или въ самихъ себѣ, или въ окружающей природѣ какую-нибудь силу, качество или даже крупный недостатокъ, они приписывали ихъ своимъ богамъ, преувеличивъ и расширивъ превыше мѣры это качество игрой своей религіозной фантазіи, подобно тому какъ это дѣлаютъ дѣти. Такимъ образомъ, благодаря благочестивой щедрости вѣрующихъ и легковѣрныхъ людей, на небѣ въ изобиліи расцвѣли земные страсти и пороки, и, какъ необходимое слѣдствіе, этого, чѣмъ богаче становилось небо, тѣмъ бѣднѣе дѣлались земля и человѣчество. Разъ былъ установленъ Богъ, онъ былъ, конечно провозглашенъ творцомъ, вседержителемъ и неограниченнымъ властелиномъ всѣхъ вещей: міръ съ этихъ поръ сдѣлался ничѣмъ, Богъ—всѣмъ; а человѣкъ, истинный творецъ его, извлекшій его изъ пустоты небытія, склонился передъ нимъ ницъ, сталъ поклонятся ему и призналъ себя его твореніемъ и рабомъ.

Христіанство въ этомъ смыслѣ есть религія par excellence; въ немъ съ наибольшей рельефностью и законченностью выразилась истинная сущность всякой религіозной системы, которая есть приниженіе, порабощеніе и уничтоженіе человѣка во славу божества.

Такъ какъ Богъ—все, то реальный міръ и человѣкъ—ничто. Богъ—истина, справедливость, благость, красота, могущество и жизнь; человѣкъ—ложь, несправедливость, злоба, безобразіе, безсиліе и смерть. Богъ—господинъ, человѣкъ рабъ. Неспособный найти справедливость, истину и вѣчную жизнь своими собственными усиліями, онъ можетъ достигнуть ихъ только посредствомъ божественнаго откровенія. Но разъ рѣчь заходитъ объ откровеніи, то сейчасъ же появляются на сцену предвозвѣстники откро-

венія,—мессіи, пророки, священники и законодатели, вдохновляемые самимъ Богомъ. Эти избранники, святые учители человѣчества, предназначенные самимъ Богомъ, чтобы направлять людей на путь небеснаго спасенія, непремѣнно пользуются неограниченною властью и въ самомъ земномъ смыслѣ. Всѣ люди обязаны пассивно и безгранично повиноваться имъ, такъ какъ противъ божественнаго разума человѣческій разсудокъ—ничто, а противъ божественной справедливости не выдержитъ никакая земная справедливость. Рабы Бога, люди должны также быть рабами церкви и государства, поскольку государство освящено церковью.

Эту истину христіанство усвоило лучше, чѣмъ всѣ другія существующія или существовавшія религіи, не исключая даже древнихъ восточныхъ религій, которыя къ тому же не имѣли широкаго территоріальнаго распространенія, включая лишь избранныя и привилегированныя націи, тогда какъ христіанство стремится обнять все человѣчество; и эту истину римскій католицизмъ провозгласилъ и осуществилъ съ суровой логикой. Вотъ почему христіанство провозгласило себя абсолютной, законченной религіей, и апостольскую римскую церковь—единственною законною и божественною церковью.

* * *

И такъ при всемъ почтеніи къ метафизикамъ и религіознымъ идеалистамъ, философамъ, политикамъ и поэтамъ, нельзя не признать, что идея Бога подразумеваетъ отреченіе отъ человѣческаго разума и справедливости; она — самое рѣшительное отрицаніе человѣческой свободы и неизбѣжно приводитъ къ порабощенію рода человѣческаго въ теоріи и на практикѣ.

Если мы не хотимъ порабощенія и униженія рода человѣческаго, какъ хотятъ этого іезуиты, піэтисты или протестанскіе методисты, то мы не можемъ, не должны дѣлать ни малѣйшей уступки ни Богу теологовъ, ни Богу метафизиковъ, ни Богу поэтовъ. Тотъ, кто въ этой мистической азбукѣ начинаетъ съ Бога, неизбѣжно и окончитъ Богомъ; кто склоненъ поклоняться Богу, не долженъ питать ни какихъ ребяческихъ иллюзій на счетъ сохраненія человѣческаго достоинства, но мужественно отказаться отъ всякой свободы и человѣчности. Если Богъ суще-

ствуетъ, то человѣкъ — рабъ; но человѣкъ можетъ и долженъ быть свободнымъ; тогда Бога не существуетъ. Нѣтъ средины между этими двумя дилеммами: слѣдовательно, надо выбирать.

Необходимо точно и ясно указать, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ религіи унижаютъ и портятъ людей, какъ онѣ растлѣваютъ ихъ разсудокъ, главное орудіе человѣческой эмансипаціи какъ воспитываютъ въ людяхъ трусость—главное условіе рабства; какъ опозориваютъ онѣ человѣческій трудъ, дѣлая его признакомъ и источникомъ рабства; какъ убиваютъ онѣ идею и чувство человѣческой справедливости, постоянно перетягивая вѣсы на сторону торжествующихъ плутовъ, привилегированныхъ объектовъ божественнаго снисхожденія; какъ убиваютъ онѣ человѣческую гордость и достоинство, провозглашая добродѣтелями раболѣпство и смиреніе; какъ душатъ онѣ въ сердцахъ людей всякое чувство человѣческаго братства, наполняя ихъ вмѣсто того жестокостью.

Всѣ религіи жестоки, всѣ основаны на крови, потому что всѣ онѣ основаны главнымъ образомъ на идеѣ жертвы, на постоянномъ жертвоприношеніи человѣка ненасытной мстительности божества. Въ этой кровавой мистеріи человѣкъ всегда—жертва, а жрецъ, тоже человѣкъ, но только имѣющій привилегію божественной благодати,—палачъ. Этимъ объясняется, почему священники и жрецы всѣхъ религій, самыхъ совершенныхъ, самыхъ гуманныхъ, кроткихъ, всегда имѣютъ въ глубинѣ своего сердца,—а если не въ сердцѣ, то въ воображеніи, въ складѣ ума,—нѣчто жестокое и кровожадное.

* * *

Всѣ эти факты никому такъ хорошо не извѣстны, какъ нашимъ знаменитымъ идеалистамъ. Они—люди ученые, знающіе, исторію наизусть, а такъ какъ они въ то же время живые люди, проникнутые искренней и глубокой любовью ко благу человѣчества, то они съ несравненнымъ краснорѣчіемъ заклеймили проклятіемъ всѣ эти злодѣянія, всѣ эти преступленія религіи. Они съ негодованіемъ отвергаютъ всякую солидарность съ Богомъ практическихъ религій и съ ихъ представителями, прошлыми и настоящими.

Богъ, которому они поклоняются, или думаютъ, что поклоняются, отличается отъ реальныхъ боговъ исторіи полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо аттрибутовъ, въ такомъ изобиліи приписываемыхъ божеству теологами и метафизиками. Онъ не—Высшее Существо Робеспьера и Ж.—Ж. Руссо, не—пантеистическій Богъ Спинозы, и даже не—невинный, трансцендентальный и очень двусмысленный богъ Гегеля. Идеалисты тщательно заботятся о томъ, чтобы не давать своему богу никакого положительнаго опредѣленія, чувствуя, что всякое опредѣленіе открываетъ полный просторъ для самой разрушительной критики. Они не говорятъ, личный ли это или безличный богъ, сотворилъ ли онъ міръ или не сотворилъ; они не хотятъ даже говорить о его божественномъ промыслѣ. Все это можетъ компроментировать. Они довольствуются тѣмъ, что говорятъ „богъ“ и больше ничего. И такъ, что же такое ихъ богъ? Это даже не идея, а лишь стремленіе.

Ихъ божество—это символъ всего великаго, прекраснаго, благороднаго и гуманнаго. Почему же тогда они не говорятъ „человѣкъ“. Ахъ! потому что, къ великой ихъ досадѣ, король Вильгельмъ Прусскій, Наполеонъ III и всѣ ихъ сообщники—тоже люди. Реальное человѣчество представляетъ смѣсь всего самаго возвышеннаго и прекраснаго съ самымъ низкимъ и чудовищнымъ. Какъ же они справляются съ этимъ? Одно они называютъ божественнымъ, другое животнымъ, и между этими двумя полюсами ставятъ человѣческое. Они или не хотятъ, или не могутъ понять, что эти три термина, въ сущности, одно и то же, и что, раздѣляя ихъ они разрушаютъ цѣлое.

Идеалисты не особенно сильны въ логикѣ, и даже, можно сказать, пренебрегаютъ ею. Этимъ они отличаются отъ пантеистическихъ и деистическихъ метафизиковъ, и это придаетъ ихъ идеаламъ характеръ практическаго идеализма, черпающаго вдохновеніе нестолько изъ апріорныхъ построеній, сколько изъ опыта, я бы сказалъ даже, изъ эмоцій, индивидуальныхъ и коллективныхъ, какъ современныхъ, такъ и ставшихъ достояніемъ исторіи. Это придаетъ ихъ пропагандѣ кажущуюся жизненную силу и могущество, но только кажущіяся, потому что логическое противорѣчіе парализуетъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Это противорѣчіе заключается въ томъ, что они хотятъ одновременно служить и Богу, и человѣчеству. Они настаиваютъ на соединеніи двухъ вещей, которыя, будучи однажды разъединены, могутъ соединиться только для того, чтобы уничтожить другъ друга. Они говорятъ однимъ духомъ: „Богъ есть свобода человѣка; Богъ есть достоинство, справедливость, равенство, братство, благосостояніе людей", не обращая вниманія на фатальную логику, въ силу которой самый фактъ существованія Бога исключаетъ возможность существованія всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей. Потому что, если Богъ существуетъ, то онъ непремѣнно вѣчный, высшій и абсолютный господинъ а, разъ существуетъ такой господинъ, то человѣкъ—рабъ; если же онъ—рабъ, то ни справедливость, ни равенство, ни братство, ни благосостояніе невозможны.

Тщетно, убѣгая отъ лица здраваго смысла, и игнорируя уроки исторіи, представляютъ они своего бога одушевленнымъ нѣжнѣйшей любовью къ человѣческой свободѣ: господинъ, кто бы онъ ни былъ и какимъ бы либераломъ онъ ни прикидывался, всетаки остается господиномъ. И самый фактъ его существованія неизбѣжно налагаетъ цѣпи рабства на все, что ниже его. Слѣдовательно, если бы Богъ существовалъ, то только въ одномъ случаѣ онъ могъ бы оказать услугу человѣческой свободѣ, а именно, если бы онъ пересталъ существовать.

Вольтеръ сказалъ: „Если-бы не было Бога, его слѣдовало бы придумать". А я, какъ ревностный поклонникъ свободы, этого необходимѣйшаго условія человѣческаго развитія и совершенства, болѣе склоненъ вывернуть его афоризмъ наизнанку и говорю, что. если бы Богъ существовалъ, то было бы необходимо его уничтожить,

Строгая логическая необходимость этого акта слишкомъ очевидна, чтобы требовать еще доказательства. И для меня совершенно непостижимо, какъ могутъ эти замѣчательные люди, носящіе такія славныя и справедливо уважаемыя имена, не чувствовать ежеминутно вопіющаго противорѣчія, въ которыя они впадаютъ, говоря въ одно и то же время о Богѣ и о человѣческой свободѣ. Одно только можно предположить: что они пренебрегаютъ логикой, потому что считаютъ эту несообразность или логическую вольность практически необходимой для благоденствія человѣчества.

Возможно также, что, говоря о свободѣ какъ о чемъ то очень почтенномъ и дорогомъ въ ихъ глазахъ, они придаютъ этому термину значеніе, совершенно различное съ тѣмъ понятіемъ, которое существуетъ у насъ, матеріалистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Дѣйствительно, они никогда не говорятъ о свободѣ отдѣльно, а всегда первое слово—свобода, а второе—власть. Власть! Вотъ еще слово и понятіе, которое мы ненавидимъ отъ всего нашего сердца.

* * *

Что такое власть? Есть ли это непреложная сила законовъ природы, которая проявляется въ роковой связи и послѣдовательности явленій физическаго и соціальнаго міра? Дѣйствительно, здравый смыслъ запрещаетъ намъ возмущаться противъ этихъ законовъ. Мы можемъ не такъ понимать или вовсе не знать ихъ, но не можемъ не повиноваться имъ, потому что они составляютъ основное условіе нашей жизни; они окружаютъ насъ, проникаютъ въ насъ; регулируютъ всѣ наши движенія, мысли и поступки; въ тѣхъ же случаяхъ, когда мы пытаемся не повиноваться имъ, они еще нагляднѣе доказываютъ намъ свое всемогущество. Да, мы абсолютно рабы этихъ законовъ. Но въ подобномъ рабствѣ нѣтъ униженія; потому что рабство, въ истинномъ значеніи этого слова, предполагаетъ господина, законодателя, стоящаго внѣ того, кѣмъ онъ управляетъ, тогда какъ эти законы не внѣ насъ, а нераздѣльны съ нами; они составляютъ все наше существо, физическое, интеллектуальное и моральное; мы живемъ, дышемъ, дѣйствуемъ, желаемъ только по этимъ законамъ. Безъ нихъ мы—ничто, мы вовсе не существуемъ. Откуда же можетъ явиться сила и желаніе возмущаться противъ нихъ?

Только одна свобода возможна для человѣка въ его отношеніи къ законамъ природы – свобода познаванія и примѣненія ихъ въ постоянно расширяющемся масштабѣ, сообразно съ преслѣдуемой имъ цѣлью коллективной или индивидуальной эмансипаціи или гуманизаціи. Эти законы, однажды признанные, имѣютъ власть, которая никогда не оспаривается большинствомъ людей. Надо быть, напримѣръ, до глубины души или теологомъ или, по крайней мѣрѣ, метафизикомъ, юристомъ или буржуазнымъ экономистомъ, чтобы возмущаться противъ закона, по которому дважды

два—четыре. Надо имѣть воображеніе поэта, чтобы вообразить огонь, который не жжетъ и воду, которая не течетъ, исключая, конечно, опытовъ, основанныхъ на примѣненіи и другихъ, одинаково непреложныхъ законовъ природы. Но такія возмущенія или скорѣе, такія попытки безумной фантазіи къ возмущенію, рѣшительно рѣдки и вообще можно сказать, что большинство людей въ своей повседневной жизни руководствуются здравымъ смысломъ, т. е. признаютъ всю сумму общепризнанныхъ законовъ природы.

Великое несчастіе заключается въ томъ, что подавляющее большинство законовъ природы, уже установленныхъ наукой какъ таковые, остается неизвѣстнымъ народнымъ массамъ благодаря бдительному попеченію правительствъ, существующихъ, какъ всѣмъ извѣстно, для блага народа.

И другое, не менѣе значительное, заключается въ томъ, что большая часть законовъ природы, регулирующихъ развитіе человѣческаго общества и такихъ же необходимыхъ и неизмѣнныхъ, какъ и законы, управляюшіе физическимъ міромъ, не были еще признаны и должнымъ образомъ установлены самой наукой*). Разъ они будутъ признаны наукой, а затѣмъ путемъ цѣлесообразной системы народнаго образованія, перейдутъ въ сознаніе всѣхъ, вопросъ о свободѣ будетъ окончательно рѣшенъ. Самыя упорныя власти силою очевидности должны будутъ признать, что тогда не будетъ необходимости въ политической организаціи, въ управленіи и законодательствѣ, въ этихъ трехъ вещахъ, которыя, исходятъ-ли онѣ отъ воли государя или являются результатомъ парламентскаго голосованія, даже и въ случаѣ согласія ихъ съ законами природы,—чего никогда не было и не будетъ,—всегда бываютъ роковыми и враждебными свободѣ большинства, вслѣдствіе самаго того факта, что налагаютъ на людей систему внѣшнихъ и потому деспотическихъ законовъ.

---

*) Бакунинъ ссылается здѣсь несомнѣнно на экономическіе законы и „соціальныя науки“, которыя дѣйствительно, находятся еще въ зачаточномъ состояніи. Прим. изд.

Свобода человѣка состоитъ единственно въ томъ, чтобы повиноваться законамъ природы, потому что человѣкъ самъ призналъ ихъ за таковые, а не потому, чтобы они были навязаны ему извнѣ какой бы то ни было внѣшней волей, божественной или человѣческой, коллективной или индивидуальной.

Представьте себѣ ученую академію, составленную изъ самыхъ знаменитыхъ представителей науки; представьте, что этой академіи было бы поручено законодательство и организація общества, и что вдохновляемая чистѣйшей любовью къ истинѣ, она сочинила бы лишь законы, абсолютно гармонирующіе съ послѣдними открытіями науки.

И все-таки я съ своей стороны, утверждаю, что подобное законодательство и организація были бы ужасны по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что человѣческая наука всегда и непремѣнно несовершенна, и что сравнивая то, что открыто съ безконечностью того, что еще остается открыть, нужно сознаться что она находится еще въ зачаточномъ состояніи. Такъ что еслибы мы попробовали принудить человѣка въ его практической жизни, какъ коллективной, такъ и индивидуальной, строго и исключитсльно сообразоваться съ послѣдними данными науки, то мы осудили бы и общества и индивида терпѣть мученія на Прокростовомъ ложѣ, которыя очень быстро привели бы ихъ къ печальному концу, такъ какъ жизнь несравненно болѣе великая вещь чѣмъ наука.

А во-вторыхъ, общество, которое повиновалось бы законодательству, исходящему отъ научной академіи, не потому что оно само проникло сознаніемъ раціональности этого законодательства, (въ такомъ случаѣ существованіе Академіи сдѣлалось бы безполезнымъ), но потому только, что это законодательство, исходящее отъ академіи навязано во имя науки, передъ которою общество благоговѣетъ, не понимая ее,—такое общество было бы обществомъ не людей, а скотовъ. Оно было бы вторымъ изданіемъ тѣхъ миссій въ Парагваѣ, которыя такъ долго подчинялись власти іезуитовъ: оно неизбѣжно и быстро спустилось бы на самую низкую степень идіотизма.

Но есть еще и третья причина, которая сдѣлала подобное управленіе невозможнымъ, а именно та, что научная академія, облеченная такъ сказать, абсолютною верховную властью, даже

если бы она состояла изъ самыхъ знаменитыхъ людей, неизбѣжно и скоро покончила бы свое существованіе благодаря моральному и интеллектуальному разложенію. Даже и теперь, при всей незначительности данныхъ имъ привилегій, таковъ неизбѣжный конецъ всѣхъ академій. Величайшій научный геній, съ того момента какъ онъ становится академикомъ, оффиціально дипломированнымъ ученымъ, неизбѣжно впадаетъ въ лѣность. Онъ теряетъ свою самобытность, свою революціонную отвагу и ту тревожную, дикую энергію которая отличаетъ всѣхъ геніевъ, когда-либо призванныхъ разрушить старые міры и заложить основаніе новымъ; хотя онъ несомненно выигрываетъ въ политичности, въ утилитарной и практической мудрости то, что теряетъ въ мощности мысли. Однимъ словомъ, онъ вырождается.

Характерной чертой привилегій и всякаго привилегированнаго положенія является то, что они убиваютъ душу и сердце человѣка. Привилегированный въ политическомъ или экономическомъ отношеніи человѣкъ развращенъ въ своемъ умѣ и сердцѣ. Это социальный законъ, не допускающій исключеній; онъ въ одинаковой мѣрѣ приложимъ какъ къ цѣлымъ націямъ, такъ и къ отдѣльнымъ классамъ, корпораціямъ и индивидамъ. Неограниченное равенство—главнѣйшее условіе свободы и гуманности. Главная цѣль этого трактата въ томъ и заключается, чтобы доказать эту истину во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой жизни.

Научное собраніе, которому было бы поручено управленіе обществомъ, скоро кончило бы тѣмъ, что перестало бы посвящать себя наукѣ, а занялось бы совсѣмъ другимъ дѣломъ, и это дѣло, какъ дѣло всякой установленной власти, состояло бы въ вѣчныхъ стараніяхъ сдѣлать ввѣренное его заботамъ общество болѣе глупымъ и, слѣдовательно, болѣе безпомощнымъ нуждающимся въ его управленіи.

* *
*

Но то, что вѣрно относительно научныхъ академій, точно также вѣрно и относительно всѣхъ учредительныхъ и законодательныхъ собраній, не исключая и тѣхъ, которыя избраны всеобщимъ голосованіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ, правда, они могутъ обновить свой составъ, но это не мѣшаетъ образованію, черезъ

немного лѣтъ, собранія политиковъ, фактически, но не по закону привилегированныхъ, которые, посвящая себя исключительно управленію общественными дѣлами страны, образуютъ въ концѣ концовъ нѣчто вродѣ политической аристократіи или олигархіи. Примѣромъ этого могутъ служить Американскіе Соединенные Штаты и Швейцарія.

Слѣдовательно, не нужно никакого внѣшняго законодательства и никакой власти, потому что одно неразрывно связано съ другимъ и оба клонятся къ порабощенію общества и къ униженію самихъ законодателей.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что я отвергаю всякій авторитетъ? Такая мысль далека отъ меня. Относительно сапогъ я признаю авторитетъ сапожника; относительно домовъ, каналовъ или желѣзныхъ дорогъ я, если бы мнѣ понадобилось, обратился бы къ авторитету архитектора или инженера. За тѣмъ или другимъ специальнымъ знаніемъ я обращаюсь къ такому-то или такому-то ученому. Но я не позволю ни сапожнику, ни архитектору, ни ученому. навязать мнѣ ихъ авторитетъ. Я отношусь къ нимъ свободно и со всѣмъ уваженіемъ, котораго заслуживаютъ ихъ умъ, характеръ, знанія, оставляя за собой неотъемлемое право критики. Я не удовлетворяюсь совѣтомъ одного авторитета въ какой-нибудь специалной отрасли; я совѣтуюсь съ нѣсколькими, сравниваю ихъ мнѣнія и вибираю то, которое мнѣ кажется наиболѣ основательнымъ. Но не признаю непогрѣшимаго авторитета даже въ вопросахъ специальныхъ; слѣдовательно, какое бы я ни питалъ уваженіе къ гуманности и искренности того или иного индивида, у меня нѣтъ абсолютной вѣры ни въ одну личность. Такая вѣра была бы фатальной для моего разсудка, для моей свободы и даже для успѣха моихъ предпріятій; она тотчасъ же превратила бы меня въ тупого раба, орудіе воли и интересовъ другого человѣка.

Если я склоняюсь передъ авторитетомъ специалистовъ и признаю для себя полезнымъ въ извѣстной мѣрѣ и такъ долго, какъ это покажется мнѣ необходимымъ, слѣдовать ихъ указаніямъ и даже наставленіямъ, то это потому, что ихъ авторитетъ не навязанъ мнѣ никѣмъ: ни людьми ни Богомъ, ни королемъ, Иначе я съ ужасомъ оттолкнулъ бы ихъ и послалъ бы къ черту ихъ совѣты, наставленія и услуги, увѣренный въ томъ, что они за-

ставятъ меня заплатить потерей свободы и самоуваженія за тѣ, окутанные массою лжи, обрывки истины, которые они могутъ мнѣ дать.

Я преклоняюсь передъ авторитетомъ спеціалистовъ, потому что это внушаетъ мнѣ мой собственный разумъ. Я сознаю свою неспособность охватить во всѣхъ деталяхъ какую-нибудь обширную отрасль человѣческаго знанія. Даже и величайшій умъ не способенъ обнять цѣлаго. Результатомъ этого какъ въ наукѣ, такъ и въ промышленности, является необходимость раздѣленія и ассоціаціи труда. Я получаю и даю—такова жизнь человѣческая. Каждый управляетъ и управляемъ, въ свою очередь. Но здѣсь нѣтъ и рѣчи объ опредѣленной и постоянной власти, а есть только постоянный обмѣнъ взаимнаго, временнаго, а главное, добровольно признаваемаго авторитета и подчиненія.

Я не могу признать ни за кѣмъ постояннаго и универсальнаго авторитета, такъ какъ универсальнаго человѣка не существуетъ; не существуетъ человѣка, способнаго обнять всѣ науки, всѣ спеціальныя отрасли жизни во всемъ богатствѣ подробностей, безъ которыхъ невозможно примѣнеіе ихъ къ жизни. Если бы такая универсальность могла когда-либо осуществиться въ одномъ человѣкѣ, и если бы онъ пожелалъ воспользоваться этимъ преимуществомъ и на ложить на насъ свой авторитетъ, то необходимо было бы изгнать такого человѣка изъ общества, потому что его авторитетъ неизбѣжно привелъ бы другихъ къ рабству и слабоумію. Я не хочу сказать, что общество должно дурно обращаться съ геніальными людьми, какъ это было до сихъ поръ; но не думаю также, что оно должно быть слишкомъ снисходительно къ нимъ и давать имъ какія-нибудь привелигіи или исключительныя права, и это по тремъ причинамъ: во-первыхъ, потому что всегда можно ошибиться и принять шарлатана за геніальнаго человѣка; во-вторыхъ, потому что такой системой привилегій можно истинно геніальнаго человѣка превратить въ шарлатана, деморализировать и развратить его; и въ-третьихъ потому что такимъ образомъ общество поставило бы надъ собой господина.

---

*

Повторимъ въ немногихъ словахъ вышеизложенное. Итакъ, мы признаемъ абсолютный авторитетъ науки, поскольку она имѣетъ своею цѣлью открытіе и систематическое обоснованіе законовъ природы, присущихъ матеріальной, интеллектуальной и моральной жизни какъ физическаго, такъ и соціальнаго міра, этихъ двухъ міровъ, составляющихъ фактически одинъ нераздѣльный міръ природы. Помимо этой единственно законной власти,—законной потому, что она раціональна и находится въ гармоніи съ человѣческой свободой,—мы объявляемъ всѣ другія власти и авторитеты ложными, самозванными и пагубными.

Мы признаемъ абсолютный авторитетъ науки, но отвергаемъ непогрѣшимость и универсальность ученыхъ. Въ нашей церкви — если мнѣ будетъ позволено воспользоваться на минуту выраженіемъ, которое я такъ ненавижу: (церковь и государство—мои два detes noires) въ нашей церкви подобно тому, какъ и въ протестантской, есть глава, невидимый Христосъ—наука; и подобно протестантамъ, даже съ большой логичностью, чѣмъ они, мы не потерпимъ ни папы, ни собора, ни конклава непогрѣшимыхъ кардиналовъ, ни епископовъ, ни даже священниковъ. Нашъ Христосъ отличается отъ протестантскаго и католическаго Христа тѣмъ, что послѣдній существо личное, а нашъ безличенъ; христіанскій Христосъ, уже законченный въ прошедшей вѣчности, представляетъ собою существо совершенное и неизмѣнное, тогда какъ законченность и совершенство нашего Христа, науки, всегда въ будущемъ, иначе говоря, оно никогда не будетъ достигнуто и завершенно. Поэтому, признавая абсолютную науку единственнымъ авторитетомъ, мы ничуть не компрометируемъ нашей свободы.

Но говоря такъ о наукѣ, я подразумѣваю абсолютную, истинно универсальную науку, которая воспроизводила бы идеально, со всѣй полнотой и во всѣхъ безконечныхъ подробностяхъ систему мірозданія, анализируя и координируя всѣ законы природы, проявляющіеся въ непрерывномъ развитіи міра. Очевидно, что такая наука, высшая цѣль всѣхъ усилій человѣческаго ума, никогда не будетъ вполнѣ и абсолютно осуществлена.

Нашъ Христосъ останется, значитъ, навѣки незаконченнымъ, что должн значительно уменьшать гордость его дипломированныхъ представителей среди насъ. Противъ этого „Бога Сына", во имя котораго они предполагаютъ наложить на насъ свою претенціозную и педантическую власть, мы аппелируемъ къ „Богу Отцу", который есть реальный міръ. реальная жизнь, непосредственными и ближайшими представителями которой являемся мы, реальныя существа, живущія, работающія, борющіеся, любящія, стремящіяся, наслаждающіяся и страдающія.

Но, отвергая абсолютную, универсальную и непогрѣшимую власть людей науки, мы охотно преклоняемся предъ почтеннымъ, хотя и относительнымъ, временнымъ и ограниченнымъ авторитетомъ представителей спеціальныхъ знаній и готовы въ каждомъ затруднительномъ случаѣ совѣтоваться съ ними поочередно; мы съ благодарностью заимствуемся у нихъ тѣми драгоцѣнными свѣдѣніями, которыми они могутъ подѣлиться съ нами, но съ условіемъ, что и они не преминутъ воспользоваться отъ насъ свѣдѣніями о вещахъ, въ которыхъ мы болѣе компетенты чѣмъ они. Въ общемъ, мы не желали бы ничего лучшаго, какъ видѣть, что люди, обладающіе большими знаніями, большимъ опытомъ, великимъ умомъ, а главное, великимъ сердцемъ, оказываютъ на насъ естественное и законное вліяніе, свободно воспринимаемое, а не навязываемое во имя какой бы то ни было власти, небесной или земной. Мы безпрекословно признаемъ власть природы и силу фактовъ, но отнюдь не право; потому что всякое воздѣйствіе права, оффиціально налагаемое на насъ, тотчасъ же становится угнетеніемъ и ложью, и неизбѣжно приводить насъ, какъ уже съ достаточной ясностью, я думаю, было доказано на предыдущихъ страницахъ, къ рабству и слабоумію.

Однимъ словомъ, мы отвергаемъ всякое законодательство, всякую власть и всякое привилегированное, дипломированное и легализированное превосходство, хотя бы возникшее даже путемъ всеобщаго голосованія, такъ какъ мы убѣждены, что оно можетъ обратиться только къ выгодѣ преобладающаго меньшинства эксплуататоровъ противъ интересовъ огромнаго большинста подчиненныхъ имъ людей.

---

* * *

Новѣйшие идеалисты придерживаются очень своеобразныхъ понятій о власти, хотя и свободные отъ традиціонныхъ предразсудковъ всѣхъ существующихъ религій, они тѣмъ не менѣе придаютъ идѣе власти божественное, абсолютное значеніе. Они основываютъ ее отчасти на quasi-философскихъ разсужденіяхъ главнымъ же образомъ, на смутной религіозной вѣрѣ, слѣдовательно, на чувствѣ и на поэтическихъ фантазіяхъ.

Ихъ трудъ какъ разъ противоположенъ нашему. Во имя свободы, достоинства и благоденствія человѣка мы считаемъ своимъ долгомъ возвратить съ неба на землю боговъ, которыхъ небо украло. Они же, наоборотъ, пытаются совершить героическое святотатство, чтобы возвратить небу, этому божественному грабителю, самое великое, самое прекрасное и благодарное достояніе человѣчества. Теперь очередь свободныхъ мыслителей ограбить небо дерзостнымъ нечестіемъ ихъ научнаго анализа.

Идеалисты вѣрятъ несомнѣнно въ то, что человѣческія идеи и дѣла, чтобы имѣть большій авторитетъ среди людей, должны быть облечены божественной санкціей. Какъ проявляется эта санкція? Не чудомъ, какъ въ позитивныхъ религіяхъ теологовъ, но самымъ величіемъ и святостью идей и дѣлъ: что велико, прекрасно, благородно, что спраледливо, то и божественно. При этомъ новомъ религіозномъ культѣ каждый человѣкъ, вдохновленный высокими идеями, совершающій великія дѣла, становится жрецомъ, непосредственно посвященнымъ самимъ Богомъ. А доказательство? Онъ не нуждается въ другомъ доказательствѣ, кромѣ самого величія идей, которыя онъ выражаетъ, и дѣлъ, которыя совершаетъ. Они такъ возвышены, что очевидно могли быть внушены только Богомъ.

Такова въ немногихъ словахъ вся ихъ философія, философія чувствъ, а не научнаго мышленія, нѣчто вродѣ метафизическаго піетизма. Все это кажется безвреднымъ, но на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ: скрытая подъ расплывчатой неопредѣленностью этихъ поэтическихъ формъ, очень опредѣленная, узкая и безплодная доктрина ведетъ къ тому же бѣдственному результату, къ какому ведутъ и всѣ другія религіозныя доктрины, а именно: къ полнѣйшему отрицанію человѣческой свободы и достоинства.

Провозгласить божественнымъ все, что въ человѣчествѣ велико, справедливо, реально и прекрасно, значитъ безмолвно согласиться, что человѣчество само по себѣ было бы неспособно создать все это, т. е., что представленная самой себѣ человѣческая природа бѣдна, несправедлива, низка и безобразна. Такимъ образомъ, мы возвращаемся назадъ къ сущности всѣхъ религій, иначе говоря, къ уничтоженію человѣка во славу божества. И съ того момента, какъ мы допустимъ, что существуетъ роковая зависимость человѣка и его коренная неспособность возвыситься собственными усиліями безъ помощи божественнаго внушенія оо познанія истинныхъ и справедливыхъ идей, намъ ничего не дстается, какъ признать также и теологическія, политическія и соціальныя послѣдствія позитивныхъ религій.

Какъ только Богъ, высшее и совершеннѣйшее существо, становится лицомъ къ лицу съ человѣчествомъ, тотчасъ же вырастаютъ, какъ изъ-подъ земли, избранные, вдохновляемые Богомъ божественные посредники, чтобы просвѣщать, наставлять и управлять во имя его человѣческою расою.

Не можемъ ли мы предположить, что всѣ люди одинаково вдохновлены Богомъ? Тогда не было бы надобности въ посредникахъ. Но увы! это предположеніе немыслимо, потому что факты слишкомъ явно противорѣчатъ ему. Оно привело бы насъ къ необходимости приписать божественному внушенію всѣ нелѣпости и заблужденія, всѣ безумныя, ужасныя, подлыя и трусливыя дѣла, которыя совершаются въ мірѣ. Но въ такомъ случаѣ божественное внушеніе, быть можетъ получили лишь немногіе великіе люди исторіи, „добродѣтельные геніи", какъ ихъ называлъ знаменитый итальянскій гражданинъ и пророкъ Джузеппе Мадзини? Непосредственно вдохновленные, отмѣченные самимъ Богомъ и избранные всенароднымъ голосованіемъ. Die e popolo, они должны быть призваны къ управленію человѣческими обществами?

Такимъ, образомъ мы снова возвращаемся назадъ подъ иго церкви и государства. Правда, что эта новая организація, основанная идеалистами, философами и учеными, и обязанная своимъ существованіемъ, подобно всѣмъ старымъ политическимъ организаціямъ, „милости Божіей", но поддерживаемая на этотъ разъ мнимой волей народа, не будетъ больше называться церковью,

а будетъ называться школой. Но кто же отъ этого выиграетъ? На скамьяхъ этой школы будутъ сидѣть не дѣти; нѣтъ, тамъ будетъ вѣчно пребывать хронически несовершеннолѣтній ученикъ, никогда, по общему признанію, небудущій въ состояніи сдать свои выпускные экзамѣны и возвыситься до уровня своихъ учителей и обходиться безъ ихъ муштровки; этотъ ученикъ—народъ. Государство не будетъ болѣе называться монархіей; оно будетъ называться демократической республикой, но тѣмъ не менѣе оно будетъ государствомъ, то есть, опекой оффиціально и систематически организованнаго меньшинства компетентныхъ людей, геніальныхъ, талантливыхъ или добродѣтельныхъ, которые будутъ блюсти и направлять поведеніе этого большого, неисправимаго и ужаснаго ребенка,—народа. Профессора школы и чиновники государства будутъ называться республиканцами; но они тѣмъ не менѣе будутъ опекунами и пастырями, а народъ останется тѣмъ же, чѣмъ былъ и до сихъ поръ, то есть стадомъ. А гдѣ есть стадо, тамъ непремѣнно должны быть и пастухи, чтобы стричь и пожирать его.

Народъ, по этой системѣ, несмотря на принадлежащую ему верховную власть, совершенно фиктивную, будетъ продолжать служить орудіемъ чужой мысли, чужой воли и, слѣдовательно, чужихъ интересовъ. Между этимъ положеніемъ и тѣмъ, что мы называемъ свободой, единственной реальной свободой,—цѣлая пропасть. Это будетъ прежнее угнетеніе и прежнее рабство, въ новой формѣ; а гдѣ есть рабство, тамъесть и нищета, и жестокость, тамъ реальный соціальный матеріализмъ, привилегированные классы—съ одной стороны, и народныя массы—съ другой.

* *
*

Обожествляя человѣческія вещи, идеалисты роковымъ образомъ обезпечиваютъ торжество грубому матеріализму. Происходитъ это по очень простой причинѣ: божественное испаряется и возносится на свою родину, небо; на землѣ же остается одно грубое и дочеловѣческое.

Однажды я спросилъ Мадзини, какія мѣры надо будетъ принимать для эмансипаціи народа, когда будетъ окончательно утверждена его торжествующая объединенная республика.

— Первой мѣрою,—отвѣтилъ онъ,—будетъ основанiе школъ для народа.

— А чему будутъ учить народъ въ этихъ школахъ?

— Обязанностямъ человѣка,—самопожертвованiю во имя идеи, прежде всего.

— Но гдѣ вы найдете достаточное число профессоровъ, способныхъ научить этимъ вещамъ, которымъ никто не имѣетъ ни права, ни возможности учить, если только онъ не проповѣдуетъ этого собственнымъ примѣромъ? Не крайне ли ограничено число людей отдавшихъ свою жизнь служенiю идеѣ?

Тѣ, которые жертвуютъ собою ради великой идеи, повинуются возвышенной страсти и, удовлетворяя эту личную страсть, внѣ которой самая жизнь теряетъ въ ихъ глазахъ всякую цѣну, обыкновенно не думаютъ о возведенiи своихъ дѣлъ въ доктрину; съ другой же стороны тѣ, которые учатъ доктринѣ, обыкновенно забываютъ проводить ее въ жизни, въ силу той причины, что доктрина убиваетъ жизнь, живую самопроизвольность дѣйствiя.

Люди, подобные Мадзини, у которыхъ доктрина и дѣйствiе составляютъ удивительное единство,—очень рѣдкое исключенiе. Въ христiанствѣ были также великiе люди, святые люди, которые осуществляли на практикѣ или, по крайней мѣрѣ, страстно стремились осуществить въ жизни все, чему учили, люди, сердца которыхъ, переполненные любовью, были полны презрѣнiя къ благамъ и наслажденiямъ этого мiра. Но огромное большинство католическихъ и протестанскихъ священниковъ, которые по привычкѣ проповѣдовали и до сихъ поръ проповѣдуютъ цѣломудрiе, воздержанiе и отреченiе, своимъ собственнымъ примѣромъ подрываютъ свое ученiе. Не безъ причины, а вслѣдствiе опыта многихъ столѣтiй, у народовъ всѣхъ странъ вошли въ поговороку фразы „распутный, какъ попъ", „прожорливый какъ попъ", „честолюбивый, какъ попъ", „жадный, эгоистичный, алчный, какъ попъ". Такимъ образомъ, установлено съ несомнѣнностью, что освященные церковью учители христiанскихъ добродѣтелей—священники, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, поступаютъ совершенно обратно тому, чему они учатъ. Общераспространенность и подавляющее количество подобныхъ фак-

товъ показываетъ, что вину слѣдуетъ искать не въ нихъ, какъ индивидахъ, а въ соціальномъ положеніи, невозможномъ и противорѣчивомъ само по себѣ, въ которое эти индивиды поставлены.

Положеніе христіанскихъ священниковъ заключаетъ въ себѣ двойное противорѣчіе. Во-первыхъ, противорѣчіе между ученіемъ воздержанія и отреченія и дѣйствительными потребностями и стремленіями человѣческой природы,—стремленіями и потребностями, которыя въ очень рѣдкихъ индивидуальныхъ случаяхъ могутъ быть дѣйствительно игнорируемы, подавляемы и даже совершенно уничтожены постояннымъ вліяніемъ какой-нибудь могущественной интеллектуальной или моральной страсти, но которыя до такой степени присущи нашей природѣ, что рано или поздно они всегда берутъ свое, и если ихъ не удовлетворить правильнымъ и нормальнымъ путемъ, то въ концѣ-концовъ приходится прибѣгать къ нездоровымъ и уродливымъ способамъ удовлетворенія. Это естественный и, слѣдовательно, роковой и непреодолимый законъ, подъ губительнымъ дѣйствіемъ котораго неизбѣжно падаютъ всѣ христіанскіе священники, а главнымъ образомъ, священники римско-католической церкви.

Но есть и другое противорѣчіе, общее для священнковъ обоихъ вѣроисповѣданій. Это противорѣчіе вытекаетъ изъ самаго титула и положенія господина. Господинъ, который повелѣваетъ, угнетаетъ и эксплуатируетъ,—вполнѣ логичный и естественный персонажъ. Но господинъ, который жертвуетъ собой для своихъ подчиненныхъ,—существо противорѣчивое и совершенно невозможное. Въ этомъ и заключается самая сущность лицемѣрія, такъ хорошо олицетворяемаго папой, который называетъ себя „нижайшимъ слугою слугъ Божіихъ“,—въ знакъ чего, слѣдуя примѣру Христа, онъ даже омываетъ однажды въ годъ ноги двѣнадцати римскимъ нищимъ,—и въ то же время провозглашаетъ себя намѣстникомъ Бога на землѣ, абсолютнымъ и непогрѣшимымъ господиномъ міра. Надо ли мнѣ напомнить, что священники всѣхъ церквей, далекіе отъ того, чтобы жертвовать собою довѣренному ихъ попеченіямъ стаду, всегда, наоборотъ, его приносили въ жертву, его эксплоатировали и держали, дѣйствительно, на положеніи стада, частью для удовлетворенія своихъ личныхъ страстей, частью per maiorem gloriat Dei (для

вящей славы Господней). Одинаковыя условія, одинаковыя причины всегда производятъ одинаковыя дѣйствія. То же самое будетъ и съ профессорами новой школы, божественно вдохновленными и дипломированными государствомъ. Они непремѣнно сдѣлаются, — нѣкоторые безсознательно, другіе съ полнымъ сознаніемъ, — проповѣдниками доктрины принесенія народа въ жертву власти государства и на пользу привилегированныхъ классовъ.

* *
*

Не значитъ ли это, что мы должны изгнать изъ общества всякое образованіе и уничтожить всѣ школы? Далеко нѣтъ. Образованіе должно распространяться безъ всякаго ограниченія среди массъ народа, преобразуя всѣ церкви, всѣ эти храмы, посвященные славѣ Божіей и рабству людей, въ школы человѣческой эмансипаціи.

Но прежде всего намъ надо понять другъ друга: школы въ нормальномъ обществѣ, основанномъ на равенствѣ и на уваженіи къ человѣческой свободѣ, должны существовать только для дѣтей, а не для взрослыхъ; и для того чтобы онѣ могли сдѣлаться школами эмансипаціи, а не порабощенія, необходимо прежде всего изгнать изъ нихъ навсегда эту фикцію Бога, вѣчнаго и абсолютнаго поработителя.

Все воспитаніе и образованіе дѣтей должно быть основано на научномъ развитіи разума, а не вѣры, на развитіи личнаго достоинства и независимости, а не на благочестіи и послушаніи, на поклоненіи истинѣ и справедливости во что бы то ни стало, а сверхъ всего на уваженіи къ человѣчеству, которое должно всегда и вездѣ замѣнять поклоненіе божеству. Принципъ авторитета въ воспитаніи дѣтей составляетъ естественный исходный пунктъ; онъ законенъ и необходимъ въ примѣненіи къ дѣтямъ нѣжнаго возраста, которые еще не могутъ руководиться въ жизни своимъ собственнымъ разумомъ. Но такъ какъ всякая эволюція, а слѣдовательно, и эволюція воспитанія подразумѣваетъ постепенное отри-

наніе исходной точки, то по мѣрѣ того, какъ идутъ впередъ воспитаніе и образованіе, случаи примѣненія власти должны становиться все рѣже и рѣже, уступая мѣсто все увеличивающейся свободѣ.

Всякое раціональное воспитаніе есть въ сущности не что иное, какъ это постоянное принесеніе авторитета въ жертву свободѣ, такъ какъ конечною цѣлью воспитанія непремѣнно должно быть созданіе свободнаго человѣка, полнаго уваженія и любви къ свободѣ другихъ. Поэтому первый день жизни школьника,—если школа будетъ брать дѣтей, едва умѣющихъ лепетать нѣсколько словъ,—долженъ быть днемъ величайшаго авторитета школы и почти совершеннаго отсутствія свободы; а послѣдній день долженъ быть днемъ величайшей свободы и совершеннаго уничтоженія всякаго слѣда животнаго или божественнаго принципа власти.

Принципъ власти въ примѣненіи къ людямъ, достигшимъ совершеннолѣтія, становится чѣмъ-то чудовищнымъ, явнымъ отрицаніемъ человѣчности, источникомъ рабства и нравственной и умственной развращенности. Къ несчастію, благодаря отеческимъ заботамъ правительства, народныя массы и донынѣ пребываютъ въ такомъ глубокомъ невѣжествѣ, что необходимо будетъ учредить школы не только для дѣтей народа, но и для самого народа. Изъ школъ послѣдняго типа должно быть абсолютно изгнано малѣйшее проявленіе принципа власти. Это не будутъ болѣе школы, а будутъ народныя академіи, гдѣ не будетъ ни учениковъ, ни учителей, куда народъ будетъ свободно приходить, чтобы запастись нужными для него знаніями, и гдѣ онъ, богатый собственнымъ опытомъ, будетъ въ свою очередь учить многимъ полезнымъ вещамъ своихъ профессоровъ. Это будетъ, такимъ образомъ, взаимное обученіе, актъ интеллектуальнаго братства между образованнымъ юношествомъ и народомъ.

---

* *
*

Дѣйствительная школа для народа и для всѣхъ взрослыхъ людей—это жизнь. Единственная великая, всемогущая, естественная и въ то же время рацiональная власть, единственная, которую мы можемъ уважать, есть власть духа коллективной общественности, основанная на взаимномъ уваженiи всѣхъ членовъ общества. Да! существуетъ власть, вовсе не божественная, а вполнѣ человѣческая, но передъ нею мы готовы преклониться, увѣренные, что это единственная власть, которая не порабощаетъ людей; наоборотъ, она освободитъ ихъ. Увѣряю васъ, она будетъ въ тысячу разъ могущественнѣе, чѣмъ всѣ ваши божественныя, теологическiя, метафизическiя, политическiя и юридическiя власти, установленныя церковью и государствомъ; могущественнѣе, чѣмъ ваши уголовные кодексы ваши тюремщики и палачи.

Сила коллективнаго чувства или духа общественности даже и теперь вещь очень серьезная. Даже такъ называемые привычные преступники рѣдко осмѣливаются открыто оскорблять его. Они стараются обмануть его, но остерегаются грубо попирать, если только не чувствуютъ за собой поддержки болѣе или менѣе значительнаго меньшинства. Ни у одного человѣка, какимъ бы сильнымъ онъ ни считалъ себя, ни хватитъ силы выносить единодушное презрѣнiе общества; никто не можетъ жить, не чувствуя поддержки въ одобренiи и уваженiи, той или другой части общества. Человѣкъ долженъ быть побуждаемъ какимъ-нибудь великимъ и очень искреннимъ убѣжденiемъ, чтобы найти мужество говорить и дѣйствовать противъ мнѣнiя всѣхъ, а развращенный, себялюбивый и трусливый человѣкъ никогда не найдетъ въ себѣ такого мужества.

Ничто не доказываетъ яснѣе, чѣмъ этотъ фактъ, естественной и неизбѣжной солидарности, которая связываетъ всѣхъ людей. Каждый изъ насъ можетъ провѣрить этотъ законъ ежедневно и на себѣ, и на всѣхъ людяхъ, которыхъ онъ знаетъ. Но если существуетъ эта соцiальная власть, то почему до сихъ поръ ея было недостаточно для того, чтобы смягчить людей, сдѣлать ихъ нравственнѣе? Просто потому, что до сихъ поръ

самая эта власть не была облагорожена; а не была она облагорожена оттого, что социальная жизнь, вѣрнымъ отраженіемъ которой она всегда была, основана, какъ намъ извѣстно, на поклоненіи божеству, а не на уваженіи къ человѣчеству; на власти, а не на свободѣ; на привилегіяхъ, а не на равенствѣ; на эксплоатаціи, а не на братствѣ людей; на несправедливости и лжи, а не на истинѣ и справедливости. Слѣдовательно, реальное дѣйствіе, дѣйствіе духа общественности всегда было въ противорѣчіи съ гуманитарными теоріями, постоянно подвергалось гибельному и развращающему вліянію. Вліяніе общественнаго мнѣнія сказывалось до сихъ поръ не въ подавленіи пороковъ и преступленій, а въ умноженіи и распространеніи ихъ. Слѣдовательно, власть его божественная, антигуманная; вліяніе его зловредное и бѣдственное. Хотите сдѣлать эту власть и это вліяніе благотворными и гуманными? Совершите социальную революцію. Сдѣлайте всѣ потребности дѣйствительно солидарными и заставьте матеріальные и соціальные интересы каждаго сообразоваться съ человѣческими обязанностями каждаго. А для этой цѣли есть только одно средство: разрушьте всѣ несправедливыя учрежденія; установите всеобщее экономическое и соціальное равенство, и на этомъ фундаментѣ возникнетъ свобода, нравственность, гуманная солидарность всѣхъ людей.

* * *

Необходимымъ слѣдствіемъ теоретическаго идеализма на практикѣ является самый грубый матеріализмъ; конечно, не среди искреннихъ проповѣдниковъ идеализма (что касается послѣднихъ, то обыкновенно въ концѣ жизни, посвященной идеѣ, они принуждены видѣть, какъ всѣ ихъ усилія разбиваются безплодно). Но среди тѣхъ, кто старается осуществлять ихъ ученіе въ жизни, а также и во всякомъ обществѣ, въ которомъ идеалистическія ученія получаютъ значительное распространеніе. Подобное утвержденіе можетъ показаться страннымъ сначала, но стоитъ только остановить вниманіе на общеизвѣстныхъ историческихъ фактахъ и правильность высказаннаго нами сужденія окажется несомненной.

Сравните, напримѣръ, двѣ цивилизаціи древняго міра; греческую и римскую. Которая изъ нихъ болѣе матеріалистична, которая имѣла въ своей основѣ естественные инстинкты и страсти человѣка и въ то же время съ значительной полнотой осуществляла въ жизни гуманитарные идеалы? Несомненно, греческая цивилизація. И наоборотъ, которая изъ двухъ имѣла въ своей основѣ отвлеченный идеалъ абстрактнаго государства и, принося матеріальную свободу человѣка въ жертву идеальной свободѣ гражданина, являлась наиболѣе грубою по своимъ результатамъ? Конечно, римская цивилизація. Правда, что и греческая цивилизація, подобно всѣмъ древнимъ культурамъ, была исключительно національна и была основана на рабствѣ. Но, не смотря на эти два огромные недостатка, первая тѣмъ не менѣе поняла и осуществила идею человѣчности; она облагородила и дѣйствительно идеализировала жизнь людей; она превратила человѣческія стада въ свободныя ассоціаціи свободныхъ гражданъ, она создала науки, искусства, поэзію, безсмертную философію и впервые провозгласила права человѣка. Благодаря политической и соціальной свободѣ она создала свободную мысль.

Въ концѣ Среднихъ вѣковъ, въ эпоху возрожденія, достаточно было одного того факта, что немногіе греческіе эмигранты принесли въ Италію нѣсколько безсмертныхъ произведеній греческаго генія, чтобы воскресить тамъ и жизнь и свободу и мысль погребенныя въ мрачной темницѣ католизма. Эмансипація людей—вотъ имя греческой цивилизаціи.

А имя римской цивилизаціи? Военный тріумфъ, со всѣми его жестокими послѣдствіями. А ея послѣднее слово? Всемогущество цезарей, что означаетъ униженіе и порабощеніе націй и отдѣльныхъ людей.

Даже и теперь,—что убиваетъ, что систематически и безпощадно разрушаетъ во всѣхъ европейскихъ странахъ свободу и гуманность? Это—повсемѣстное господство римскаго права.

Сравните теперь двѣ новѣйшихъ цивилизаціи: романскую и германскую. Характерной чертой первой является несомнѣнный матеріализмъ; вторая, наоборотъ, отличается идеализмомъ въ его наиболѣе отвлеченной, наиболѣе чистой и трансцендентной формѣ, Посмотримъ, каковы практическія результаты той и другой.

Италія временъ Возрожденія оказала уже огромныя услуги дѣлу человѣческаго освобожденія. Она первая воскресила и дала широкое примѣненіе принципу свободы въ Европѣ и возвратила человѣчеству лучшія его достоянія: промышленность, торговлю, поэзію, искусства, положительныя науки и свободную мысль. Задушенная потомъ, въ теченіе трехъ столѣтій, императорскимъ и папскимъ деспотизмомъ и втоптанная въ грязь своей правящей буржуазіей, она снова поднимается теперь, правда, безмѣрно униженной въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она была когда-то. И все-таки какъ сильно она отличается отъ Германіи! Въ Италіи, несмотря на ея упадокъ,—временный, надѣемся,—можно жить и дышать по—человѣчески, среди народа, который кажется рожденнымъ для свободы. Италія,—даже буржуазная Италія, —можетъ съ гордостью указать вамъ на людей, подобныхъ Мадзини и Гарибальди.

Въ Германіи дышешь атмосферою всеобъемлющаго политическаго и соціальнаго рабства, философски обоснованнаго и принятаго великимъ народомъ съ сознательною покорностью и съ удовольствіемъ. Ея герои,—я говорю о Германіи настоящаго, а не о Германіи будущаго, объ арестократической, бюрократической, политической и буржуазной Германіи, а не о Германіи пролетаріевъ,—ея герои полная противоположность Мадзини и Гарибальди: это Вильгельмъ I, жестокій и наивный представитель протестантскаго Бога, г.г. Бисмаркъ и Мольтке, генералы Мантейфель и Вердеръ. Во всѣхъ своихъ международныхъ отношеніяхъ Германія, съ самаго начала своего существованія, систематически стремилась къ захватамъ и завоеваніямъ, всегда готовая распространить свое собственное добровольное порабощеніе на территорію сосѣдей, а со времени ея окончательнаго объединенія въ одну державу, она сдѣлалась угрозой для свободы всей Европы.

Въ настоящее время Германія—это холопство, сознательное жестокое и торжествующее.

* *
*

Чтобы показать, какимъ образомъ теорическій идеализмъ непримѣнно и неизбѣжно превращается въ практическій матеріализмъ, достаточно привести въ примѣръ всѣ христіанскія церкви и, конечно, прежде всего апостольскую римскую церковь. Что можетъ быть возвышеннѣе, въ идеальномъ смыслѣ, безкорыстнѣе, отрѣшеннѣе отъ всѣхъ земныхъ интересовъ, чѣмъ ученіе Христа, проповѣдуемое этой церковью? И что, съ другой стороны, можетъ быть грубѣе и матеріалистичнѣе, практической политики этой церкви начиная съ восьмого столѣтія, когда окончательно установилась ея власть? Что всегда служило и служитъ до сихъ поръ постоянной причиной всѣхъ ея споровъ съ государями Европы? Ея свѣтскія имѣнія, ея доходы—во-первыхъ, и затѣмъ—ея свѣтская власть и политическія привилегіи.

Мы должны отдать ей справедливость и признать, что она первая открыла въ новѣйшей исторіи ту неоспоримую, но едва ли христіанскую истину, что богатство и власть немногихъ, съ одной стороны, и экономическая эксплуатація и политическое угнетеніе массъ, съ другой,—два нераздѣлимыя условія господства божественнаго идеала на землѣ: богатство укрѣпляетъ и увеличиваетъ власть, а власть постоянно открываетъ и изобрѣтаетъ новые источники богатства, и эти два фактора лучше чѣмъ мученичество и вѣра апостоловъ, лучше, чѣмъ божественная благодать, обезпечиваютъ успѣхъ христіанской пропаганды. Это—историческая истина, и протестантскія церкви, или скорѣе секты, не замедлили признать ея. Я говорю, конечно, о независимыхъ церквахъ Англіи, Америки и Швейцаріи, а не о подчиненныхъ церквахъ Германіи. Послѣднія не имѣютъ собственной инициативы; онѣ дѣлаютъ то, что приказываютъ имъ ихъ начальники, ихъ свѣтскіе государи, которые въ тоже время и ихъ духовное начальство. Хорошо извѣстно, что протестанская пропаганда, особенно англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, тѣсно связана съ пропагандой матеріальныхъ и коммерческихъ интересовъ этихъ двухъ великихъ націй; извѣстно также, что цѣль послѣдней пропаганды вовсе не обращеніе и матеріальное процвѣтаніе странъ, въ которыя она проникаетъ въ союзѣ со словомъ Божіемъ, но

эксплуатація этихъ странъ для обогащенія и матеріальнаго благосостоянія привилегированныхъ классовъ, метрополіи стремящихся расширить эксплуатацію и грабительство за предѣлы своей страны.

Однимъ словомъ, вовсе не трудно доказать, съ исторіей въ рукахъ, что церковь, что всѣ церкви, христіанскія и нехристіанскія, наряду съ ихъ спиритуалистической пропагандой, вѣроятно, для того, чтобы усилить и упрочить успѣхъ послѣдней, никогда не упускали случая организоваться въ большія корпораціи для экономической эксплуатации массъ подъ покровительствомъ и съ прямого и спеціальнаго благословенія того или другого божества; не трудно также доказать, что всѣ государства, которыя, какъ намъ извѣстно, были первоначально, со всѣми ихъ политическами юридическими учрежденіями и ихъ господствующими и привилегированными классами, лишь свѣтскими владѣніями этихъ разнообразныхъ церквей, точно также имѣли въ виду, главнымъ образомъ, ту же самую эксплуатацію массъ въ пользу свѣтскаго меньшинства, косвеннымъ образомъ санкціонированнаго церковью; и доказать, наконецъ, какъ общее правило, что дѣло милосерднаго Бога и всѣхъ божественныхъ идеаловъ на землѣ кончалось всегда и вездѣ преобладаніемъ цвѣтущаго матеріализма немногихъ надъ фанатическимъ идеализмомъ умирающихъ отъ голода масссъ.

Новое доказательство этого мы имѣемъ въ томъ, что видимъ теперь.

За исключеніемъ великихъ сердецъ и великихъ умовъ, на которые я указалъ какъ на заблуждающихся, кто теперь самые упорные защитники идеализма? Во первыхъ, всѣ государи и ихъ придворные. Во Франціи въ послѣднее время Наполеонъ III и жена его, императрица Евгенія, всѣ ихъ прежніе министры, придворные и эксъ-маршалы, отъ Руэ и Базена до Флери и Піетри; мужчины и женщины императорскаго оффиціальнаго міра, которые такъ старательно пропагандировали идеализмъ и спасали Францію; ихъ газеты и ихъ ученые—Кассаньяки, Жирардены Дювернуа, Вельо, Левери, Дюма; черная фаланга іезуитовъ и іезуитокъ всевозможныхъ разновидностей, вся высшая и средняя

буржуазія Франціи: либералы доктринеры и либералы безъ доктрины,—Гизо Тьеры, Жюлфавры, Пелетаны и Жюль Симоны; всѣ они были ярыми проповѣдниками идеализма и, въ то же время самыми упорными защитниками буржуазной эксплуатаціи. Въ Пруссіи, въ Германіи—Вильгельмъ I, настоящій царственный представитель милосерднаго Бога на землѣ; всѣ его генералы, всѣ его померанскіе и другіе офицеры, и вся его армія, благодаря своей религіозной вѣрѣ только что побѣдившая Францію тѣмъ идеальнымъ способомъ, который мы такъ хорошо знаемъ. Въ Россіи—царь и весь его дворъ, Муравьевы и Берги, всѣ кровопійцы и благочестивые усмирители Польши. Однимъ словомъ, вездѣ религіозный и философскій идеализмъ (причемъ послѣдній представляетъ болѣе или менѣе вольный переводъ перваго) служитъ въ наше время знаменемъ матеріальной эксплуатаціи; тогда какъ, наоборотъ, знамя теоритическаго матеріализма, красный флагъ экономическаго равенства и соціальной справедливости воздвигается практическимъ идеализмомъ угнетенныхъ и умирающихъ съ голода массъ, стремящихся осуществить величайшую свободу и человѣческое право каждаго въ братствѣ всѣхъ людей на землѣ. Кто же—настоящіе идеалисты, идеалисты не въ отвлеченности, а въ жизни, не на небѣ, а на землѣ? И кто—матеріалисты?

Очевидно, что для того, чтобы стать адептомъ тереотическаго или божественнаго идеализма, надо разъ навсегда покончить съ логикой и съ человѣческимъ разсудкомъ, отречься отъ науки. Мы видимъ далѣе, что тотъ, кто защищаетъ доктрины идеализма, невольно оказывается завербованнымъ въ ряды угнетателей и эксплуататоровъ народныхъ массъ. Этихъ двухъ важныхъ причинъ, казалось бы, достаточно, чтобы оттолкнуть отъ идеализма всякій великій умъ, каждое великое сердце. Какимъ-же образомъ случилось, что наши знаменитые современные идеалисты, у которыхъ, несомнѣнно, нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни вь сердцѣ, ни въ доброй волѣ, идеалисты, всю свою жизнь посвятившіе служенію человѣчеству,—какимъ образомъ случилось, что они упорно остаются въ компаніи съ представителями ученія, отнынѣ осужденнаго и опозореннаго?

Мотивы, побуждающіе къ этому, должны быть очень могущественны. Этими мотивами не могутъ быть ни логика, ни наука, съ тѣхъ поръ какъ онѣ вынесли идеализму обвинительный приговоръ. Не могутъ ими быть и личные интересы, такъ какъ эти люди стоятъ безконечно выше подобныхъ подозрѣній. Значитъ, долженъ быть могущественный нравственный мотивъ. Какой? Онъ можетъ быть только одинъ: эти замѣчательные люди думаютъ, безъ сомнѣнія, что идеалистическія теоріи или вѣрованія существенно необходимы для нравственнаго достоинства и величія человѣка, и что матеріалистическія теоріи, наоборотъ, низводятъ его на уровень животныхъ.

А что, если истина какъ разъ въ противоположномъ?

Каждое развитіе, какъ я уже сказалъ, есть отрицаніе своей исходной точки. Такъ какъ основаніе или точка отправленія, по ученію матеріалистической школы, матеріальна, то отрицаніе ея должно быть непремѣнно идеально. Удаляясь отъ сущности реальнаго міра или отъ того, что отвлеченно называется матеріей, матеріализмъ логически приходитъ къ дѣйствительной идеализаціи, то-есть по отношенію къ человѣчеству къ полной и окончательной эмансипаціи общества. Наоборотъ, такъ какъ основаніе и точка отправленія идеалистической школы есть идеалъ, то въ силу той же самой причины, это ученіе неизбѣжно приводитъ къ соціальному матеріализму, къ установленію грубаго деспотизма и подлой, несправедливой эксплуатаціи подъ видомъ церкви и государства. Историческое развитіе человѣка, съ матеріалистической точки зрѣнія, есть постепенное возвышеніе; господство же идеалистической системы превратило это развитіе въ непрерывное паденіе. И какой бы вопросъ, касающійся человѣка, мы ни затронули, мы всегда неизбѣжно наталкиваемся на то же непримиримое противорѣчіе между двумя школами. Такимъ образомъ, какъ я уже замѣтилъ, матеріализмъ удаляется отъ животности, чтобы установить человѣчность; идеализмъ же исходитъ отъ божества, чтобъ установить рабство и обречь народныя массы на животное прозябаніе. Матеріализмъ отрицаетъ свободную волю и кончаетъ установленіемъ свободы; идеализмъ во имя человѣческаго достоинства провозглашаетъ свободную волю и на развалинахъ всякой свободы создаетъ власть. Матеріализмъ отвергаетъ принципъ власти, потому что справедливо смотритъ на него какъ

на порожденіе животности и потому, что наоборотъ, торжество человѣчности, цѣль и главное значеніе исторіи, можетъ быть осуществлено только съ помощью свободы. Однимъ словомъ, всегда въ жизни вы найдете идеалистовъ за практическимъ осуществленіемъ самыхъ пошлыхъ матеріалистическихъ цѣлей, тогда какъ матеріалистовъ вы увидите преслѣдующими и осуществляющими самыя великія идеальныя стремленія и мысли.

Исторія, въ системѣ идеалистовъ, какъ я сказалъ, не можеъ быть ничѣмъ инымъ, какъ непрерывнымъ паденіемъ. Начинаютъ они со страшнаго паденія, отъ котораго никогда не могутъ оправиться, съ сальтомортале и изъ возвышенныхъ областей чистой и абсолютной идеи—къ матеріи. И къ какого рода матеріи? Не къ той матеріи, которая вѣчно дѣйствуетъ и движется, которая полна своихъ особенныхъ свойствъ и силъ, жизни и ума, матеріи какой мы видимъ ее въ реальномъ мірѣ; нѣтъ, но къ матеріи абстрактной, обезсиленной и сведенной къ абсолютному ничтожеству, какъ она понимается теологами и метафизиками, которые лишили ее всего, чтобъ отдать все ихъ императору, ихъ Богу; къ матеріи, которая, лишенная всякаго самостоятельнаго дѣйствія и движенія, представляетъ въ противоположность идеѣ божества, не что иное какъ абсолютную непроницаемость, инертность и неподвиждость.

Это паденіе такъ ужасно, что божество, божественная личность или идея, сплющивается, теряетъ сознаніе самое себя и никогда уже вполнѣ не приходитъ въ него. И въ этомъ отчаянномъ положеніи божество все-таки принуждено дѣлать чудеса! Потому что съ того момента какъ матерія дѣлается инертною, каждое происходящее въ мірѣ движеніе, даже самое матеріальное, есть чудо и можетъ быть только результатомъ божественнаго вмѣшательства, дѣйствіемъ Бога на матерію. И вотъ это бѣдное божество, наполовину уничтоженное своимъ паденіемъ, лежитъ нѣсколько тысячъ столѣтій въ обморокѣ, потомъ понемногу начинаетъ копошиться и приходитъ въ себя, тщетно стараясь схватить хоть какое-нибудь смутное воспоминаніе о прошломъ бытіи, и каждое движеніе, которое оно призводитъ при этомъ, преобразуетъ матерію, обращается въ творчество новыхъ

формъ, новымъ и новымъ чудомъ. На этомъ пути божество проходитъ черезъ всѣ степени матеріальности и животности,—въ началѣ газъ, простое или сложное химическое вещество, минералъ, оно распространяется потомъ по землѣ въ видѣ растительныхъ и животныхъ организмовъ, пока не сосредоточится въ человѣкѣ.

Тутъ божество какъ будто бы снова становится самимъ собою, потому что въ каждомъ человѣческомъ существѣ свѣтится божественная искра, частица его собственнаго существа, безсмертная душа.

Какимъ образомъ можно было ухитриться помѣстить вещь абсолютно нематеріальную въ предметъ абсолютно матеріальный; какъ можетъ тѣло содержать, заключать въ себѣ, ограничивать, парализовать чистый духъ? Это опять одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые можетъ только вѣра, суевѣрное и тупое утвержденіе абсурда. Это величайшее изъ чудесъ. Здѣсь однако намъ предстоитъ только установить слѣдствія, практическіе результаты этого чуда.

Божество, затерянное и разсѣянное въ матеріи, которую оно оживляетъ и приводитъ въ движеніе, послѣ тысячъ столѣтій напрасныхъ усилій наконецъ находитъ точку опоры, нѣкотораго рода оптическій фокусъ для сосредоточенія себя. Этотъ фокусъ—человѣкъ, его безсмертная душа, страннымъ образомъ заключенная въ смертномъ тѣлѣ. Но каждый человѣкъ, разсматриваемый индивидуально, слишкомъ ограниченъ, слишкомъ ничтоженъ, что-бы заключить въ себѣ божественную необъятность; онъ можетъ содержать лишь очень маленькую безсмертную частицу, подобную Цѣлому. Изъ этого слѣдутеъ, что божественное существо, абсолютно нематеріальное существо, Духъ, можетъ дѣлиться подобно матеріи. Это вторая тайна, разрѣшеніе которй должно быть предоставлено вѣрѣ.

Если бы Богъ цѣликомъ могъ найти себѣ помѣщеніе въ каждомъ человѣкѣ, то каждый человѣкъ былъ бы Богомъ У насъ было бы огромное количество Боговъ; каждый изъ нихъ былъ бы ограниченъ всѣми другими, но тѣмъ не менѣе

безконеченъ,—противорѣчіе, которое означало бы взаимное уничтоженіе людей, невозможность существованія болѣе чѣмъ одного. Что касается частицъ, то это другое дѣло; ничто не можетъ быть въ самомъ дѣлѣ раціональнѣе, чѣмъ то, чтобы одна частица была ограничена другою и была меньше цѣлаго, но другое противорѣчіе смущаетъ насъ здѣсь. Быть больше или меньше—это свойство матеріи, а не духа, какъ понимаютъ его идеалисты. Правда, согласно съ ученіемъ матеріалистовъ, душа есть только движущая сила человѣческаго организма, и величіе или ничтожество души зависитъ отъ большаго или меньшаго совершенства этого организма. Но эти же самыя свойства относительной ограниченности и величины не могутъ быть приписаны духу, какъ его понимаютъ идеалисты, абсолютно нематеріальному духу, существующему независимо отъ матеріи. Не можетъ быть ни большаго, ни меньшаго духа, ни какого бы то ни было количественнаго различія между духами, потому что есть только одинъ Духъ—Богъ. Прибавить, что безконечно малыя и ограниченныя частицы, составляющія человѣческія души, въ то же время безсмертны, значитъ довести противорѣчіе до крайности. Но это вопросъ вѣры; не будемъ останавливаться на немъ.

И такъ, мы имѣемъ Божество, разорванное и помѣщенное въ безконечно малыхъ частицахъ въ огромномъ числѣ существъ всѣхъ половъ, возрастовъ, расъ и цвѣтовъ. Это чрезвычайно неудобное и злосчастное положеніе, потому что божественныя частицы такъ мало знакомы другъ съ другомъ въ началѣ ихъ человѣческаго существованія, что начинаютъ съ пожиранія другъ друга. Сверхъ того, въ этомъ состояніи варварства и въ полнѣ животной грубости, эти божественныя частицы сохраняютъ смутное сходство съ ихъ первоначальнымъ божествомъ и чувствуютъ неудержимое влеченіе къ ихъ Цѣлому; онѣ ищутъ одна въ другой своего Цѣлаго. Это само Божество, разсѣянное и затерянное въ матеріальномъ мірѣ ищетъ самого себя въ людяхъ и оно такъ одичало отъ этого множества человѣческихъ тюремъ, въ которыхъ оно находитъ себя заключеннымъ, что въ поискахъ самого себя оно совершаетъ безуміе за безуміемъ.

Начавъ съ фетишизма, оно отыскиваетъ и обожаетъ себя то въ камнѣ, то въ кускѣ дерева, то въ размалеванной тряпкѣ. Очень вѣроятно, что ему никогда не удалось бы выйти изъ этого низкаго состоянія, если бы другое божество, которому не было суждено матеріализироваться и которое сохранилось въ состояніи чистаго духа на небесныхъ высотахъ абсолютнаго идеала, не сжалилось надъ нимъ.

Здѣсь опять новая тайна—тайна Божества, раздѣлившагося на двѣ половины, обѣ одинаково безконечныя, изъ которыхъ одна—Богъ Отецъ остается въ чистыхъ, нематеріальныхъ областяхъ, а другая—Богъ Сынъ переходитъ въ матерію. Кромѣ того, между этими двумя, раздѣленными одно отъ другого, Божествами устанавливаются постоянныя сношенія, сверху внизъ и снизу вверхъ, и эти сношенія, разсматриваемыя какъ единый вѣчный и постоянный актъ, поддерживаются Святымъ Духомъ. Такова, въ ея настоящемъ теологическомъ и метафизическомъ значеніи, великая, страшная тайна христіанской Троицы.

Но не будемъ терять времени, стараясь постигнуть непостижимости и, покинувъ эти высоты, посмотримъ что происходитъ на землѣ.

---

* * *

Богъ Отецъ, видя съ высотъ своего вѣчнаго великолѣпія, что бѣдный Богъ Сынъ, приплюснутый и изумленный своимъ паденіемъ, погрузился въ матерію, и что, достигнувъ человѣческаго состоянія, онъ все еще не нашелъ самого себя, рѣшается придти къ нему на помощь. Изъ безконечнаго количества частицъ, въ одно и то же время безсмертныхъ, божественныхъ и безконечно малыхъ въ которыхъ Богъ Сынъ растворился такъ совершенно, что не узнаетъ самого себя, Богъ Отецъ выбираетъ тѣ, которые наиболѣе ему нравятся и дѣлаетъ ихъ своими вдохновенными пророками, геніями добродѣтели, великими благодѣтелями и законодателями человѣчества, каковы; Зароастръ, Будда, Моисей, Конфуцій, Ликургъ, Солонъ Сократъ, божественный Платонъ, а выше всѣхъ Іисусъ Христосъ (полная реализація Сына Божія, наконецъ собраннаго и сконцентрированнаго во одной человеческой личности), всѣ апостолы, святой Петръ, святой Павелъ и святой Іоаннъ, Константинъ, Великій Магометъ, затѣмъ Григорій VII, Карлъ Великій, Данте, а по мнѣнію нѣкоторыхъ также Лютеръ, Вольтеръ и Руссо, Робеспьеръ и Дантонъ, и многія другія великія и святыя личности, всѣхъ именъ которыхъ невозможно припомнить, но среди которыхъ я, какъ русскій, прошу не забыть святого Николая.

И вотъ мы достигли, наконецъ, проявленія Бога на землѣ. Но какъ только появляется Богъ, человѣкъ сводится на ничто. Мнѣ-скажутъ, что онъ вовсе не сводится на ничто, съ тѣхъ поръ какъ онъ самъ частица Бога. Извините меня! Я допускаю, что частица опредѣленнаго, ограниченнаго цѣлаго, какъ бы мала она ни была, есть извѣстная положительная величина. Но частица безконечно великаго, по сравненію съ нимъ, безконечно мала. Умножьте билліоны билліоновъ на билліоны билліоновъ; ихъ произведеніе, по сравненію съ безконечно великимъ, будетъ безконечно мало, а безконечно малое равняется нулю. Богъ есть все; поэтому человѣкъ и реальный міръ, вселенная,—ничто. Этого заключенія вы ни какъ не избѣжите.

Появляется Богъ, и человѣкъ сводится на ничто, и чѣмъ величественнѣе становится Божество, тѣмъ несчастнѣе дѣлается человѣчество. Такова исторія всѣхъ религій; таково дѣйствіе всѣхъ откровеній и божественныхъ законодательсвъ. Въ исторіи имя Божіе является всесокрушающій дубиной, которую пророки и прочіе великіе геніи побивали свободу, достоинство, разумъ и благосостояніе людей.

Мы видѣли сначала паденіе Бога. Теперь передъ нами паденіе, которое интересуетъ насъ гораздо болѣе,—паденіе человѣка, явившееся результатомъ дѣятельности Бога на землѣ.

Посмотрите, въ какомъ глубокомъ заблужденіи находятся наши дорогіе и знаменитые идеалисты. Говоря намъ о Богѣ, они намѣреваются, они желаютъ возвысить, освободить, благодарить насъ, и вмѣсто этого, наоборотъ, давятъ и унижаютъ насъ. Они воображаютъ, что съ помощью имени Бога возможно установить братство среди людей; на самомъ же дѣлѣ, создаютъ гордость однихъ и уничиженіе другихъ, сѣютъ раздоръ, ненанависть и войну, устанавливаютъ рабство. Потому что вмѣстѣ съ Богомъ появляются различныя степени божественнаго вдохновенія: человѣчество раздѣляется на людей высоко вдохновенныхъ, менѣе вдохновенныхъ и совсѣмъ невдохновенныхъ. Правда, всѣ они одинаково ничтожны передъ Богомъ; но по сравненію другъ съ другомъ, одни изъ нихъ выше другихъ,—но только фактически, что было бы не важно, такъ, какъ неравенство въ фактѣ теряется въ коллективности, если только оно не цѣпляется за какую-нибудь легальную фикцію или учрежденіе,—но выше въ божественномъ правѣ вдохновенности, которе неизбѣжно устанавливаетъ неподвижное, постоянное окаменѣлое неравенство. Менѣе вдохновенные и вовсѣ невдохновенные должны внимать и повиноваться высоко вдохновеннымъ. Такимъ образомъ, принципъ власти является хорошо установленнымъ и опирается на два основныхъ учрежденія, поддерживающія рабство,—церковь и государство.

* *
*

Изъ всѣхъ деспотизмовъ самый худшій деспотизмъ доктринеровъ или вдохновенныхъ фанатиковъ. Они такъ ревностно хлопочутъ о славѣ своего Бога и о торжествѣ своихъ идей, что въ ихъ сердцѣ не остается мѣста для сочувствія свободѣ, достоинству или даже страданіямъ живыхъ настоящихъ людей. Божественное усердіе, забота объ идеалѣ изсушаютъ въ концѣ концовъ въ самыхъ нѣжныхъ душахъ, въ самыхъ сострадательныхъ сердцахъ источниками любви къ человѣчеству. Смотря на все существующее, на все, что случается въ мірѣ, съ точки зрѣнія вѣчности или съ точки зрѣнія отвлеченной идеи, они относятся къ преходящимъ вещамъ съ презрѣніемъ. Но вѣдь вся жизнь реальныхъ людей, людей изъ плоти и костей, состоитъ только изъ однѣхъ преходящихъ вещей, и сами они—преходящія существа, которыя, уходя. замѣняются другими, точно также предыдущими и никогда не возвращающимися индивидуальностями. Одно только человѣчество постоянно и относительно вѣчно, непрерывно развиваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Я говорю: относительно вѣчно, потому что разъ наша планета будетъ разрушена (а не погибнутъ рано или поздно она не можетъ, такъ какъ все, что имѣетъ начало, должно непремѣнно имѣть и конецъ), когла наша планета разложится, чтобы послужить матеріаломъ для кого-нибудь новаго образованія въ системѣ вселенной, которая одна только дѣйствительно вѣчна,—кто знаетъ, что станется со всѣмъ нашимъ человѣческимъ развитіемъ? Тѣмъ не менѣе, такъ какъ моментъ этого разрушенія находится въ отдаленномъ будущемъ и на огромномъ разстояніи отъ насъ, то собственно говоря, мы можемъ считать человѣчество вѣчнымъ сравнительно съ краткимъ періодомъ индивидуальной человѣческой жизни.

Но самый процессъ прогрессивнаго развитія человѣчества реаленъ и живъ только благодаря его осязательнымъ проявленіямъ въ опредѣленное время, въ опредѣленномъ пространствѣ, въ дѣятельности живыхъ, чувствующихъ людей, а не благодаря его общей идеѣ.

Общая идея есть всегда абстракція и въ силу этаго, въ нѣкоторомъ родѣ, отрицаніе реальной жизни. Наука можетъ обнять и систематировать только общія соотношенія и общую закономѣрность реальныхъ фактовъ, т. е. то въ явленіяхъ, что остается неизмѣннымъ при ихъ непрерывныхъ превращеніяхъ; но наука никогда не можетъ схватить ихъ матеріальной, индивидуальной стороны, трепещущей реальностью и жизнью, и потому ускользающей и неуловимой. Наука обнимаетъ лишь идею реальности, идею жизни, а не самую жизнь. Наука не можетъ выйти изъ границъ абстракціи. Это ея единственный реальный, непреодолимый предѣлъ, лежащій въ самой природѣ человѣческаго интеллекта, единственнаго органа науки.

Но какъ только наука, оставивъ свою великую миссію, черезъ посредство своихъ оффиціальныхъ дипломированныхъ представителей начинаетъ предъявлять права руководить жизнью, тотчасъ же обнаруживается ея жизненная несостоятельность и даже ея вредное вліяніе. Миссія науки состоитъ въ томъ, чтобъ установить общіе законы, формулирующіе развитіе явленій физическаго и соціальнаго міра; она устанавливаетъ, такъ сказать, сигнальныя вѣхи, указывающія путь прогрессивнаго шествія человѣчества, отмѣчаетъ общія условія, которыя необходимо строго соблюдать, и забывать или игнорировать которыя всегда бываетъ пагубно. Однимъ словомъ, наука—это компасъ жизни, но не жизнь. Наука неизмѣнна, безлична, обща, отвлеченна, безчувственна, подобно тѣмъ законамъ, идеальное воспроизведеніе которыхъ она собою представляетъ, воспроизведеніе отраженное или умственное, то есть м о з г о в о е, (подчеркиваю это слово, чтобы напомнить, что сама наука не болѣе какъ продуктъ матеріальнаго органа—мозга). Жизнь преходяща и временна, но вмѣстѣ съ тѣмъ она—вся трепетъ реальности и индивидуализма, чувствительности, страданій, радостей, стремленій, потребностей

и страстей Она одна самопроизвольно творитъ реальныя вещи и существа. Наука ничего не творитъ; она только воспринимаетъ, классифицируетъ, даетъ имена твореніямъ жизни. И каждый разъ какъ только люди науки, выйдя изъ подполья своего отвлеченнаго міра, смѣшиваются съ живымъ потокомъ жизни, все, что они пытаются создать, бѣдно до смѣшного, абстрактно, безкровно, безжизненно, мертворожденно, какъ гомункулъ, созданный Вагнеромъ, педантическимъ ученикомъ безсмертнаго доктора Фауста. Изъ этого слѣдуетъ, что единственная миссія науки — освѣщать жизнь, а не управлять ею.

* *
*

Правленіе науки, т. е. ученыхъ, даже если они позитивисты, ученики Огюста Конта, или же послѣдователи доктринерской школы германскихъ соціалъ-демократовъ, непременно будетъ безсильно, смѣшно, негуманно, жестоко, будетъ угнетать, допускать эксплуатацію вредить. О людяхъ науки, какъ таковыхъ, можно сказать тоже, что я сказалъ о теологахъ и метафизикахъ: у нихъ нѣтъ ни ума, ни сердца для индивудуальныхъ и живыхъ существъ. Мы не можемъ даже порицать ихъ за это, потому что это — естественное слѣдствіе ихъ профессіи. Поскольку они люди науки, они не могутъ интересоваться ничѣмъ кромѣ обобщеній, абсолютныхъ законовъ, и питать уваженіе къ чему-либо другому.

Реальная, живая индивидуальность примѣтна только для другой живущей индивидуальности, а не для индивидуальности мыслящей, не для человѣка, который рядомъ абстракцій ставитъ себя внѣ и выше непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью: для такихъ людей индивидуальность можетъ существовать только какъ болѣе или менѣе совершенный экземпляръ извѣстной разновидности то есть опредѣленной абстракціи. Если это, напримѣръ, кроликъ, то чѣмъ красивѣе экземпляръ, тѣмъ радо-

стнѣе ученый анатомируетъ его, въ надеждѣ уловить общія типичныя свойства, законъ рода. И если бы никто не противился этому, то не нашлось ли бы даже въ наши дни фанатиковъ, способныхъ производить подобные эксперименты надъ людьми? Если натуралисты не анатомируютъ живого человѣка, то ихъ останавливаетъ въ этомъ случаѣ не наука, а всемогущій протестъ жизни. Хотя они проводятъ три четверти своего существованія въ изученіи и созиданіи совсѣмъ особаго міра, который цѣликомъ завладѣваетъ ихъ умомъ и сердцемъ, все-таки они не исключительно люди науки, но также въ большей или меньшей степени люди жизни.

Однако мы должны полагаться на это. Хотя мы можемъ быть почти увѣрены, что ученый не посмѣетъ въ наше время обращаться съ человѣкомъ такъ же, какъ онъ обращается съ кроликомъ, но всегда есть опасность, что ученые могутъ подвергнуть живыхъ людей научнымъ экспериментамъ, несомнѣнно интереснымъ, но тѣмъ не менѣе непріятнымъ для ихъ жертвъ. И если они не имѣютъ возможности производить эксперименты надъ тѣломъ отдѣльныхъ инвалидовъ, зато съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ готовы они производить ихъ надъ соціальнымъ тѣломъ, чему надо непремѣнно помѣшать.

При своей современной организаціи, монополизировавшей науку и стоящей такимъ образомъ внѣ соціальной жизни, ученые составляютъ отдѣльную касту, во многихъ отношеніяхъ похожую на касту духовенства. Научная абстракція—ихъ Богъ, инвалиды—ихъ жертвы, а они патентованные жрецы.

Наука не можетъ выйти изъ сферы отвлеченностей. Въ этомъ отношеніи она рѣшительно ниже искусства, которое, хотя также имѣетъ своимъ предметомъ типичное и общее, но воспроизводитъ его въ живыхъ конкретныхъ образахъ. Конечно, произведенія искусства—не сама жизнь, но тѣмъ не менѣе они возбуждаютъ въ нашемъ воображеніи чувство и воспоминаніе

о жизни; искусство въ извѣстномъ смыслѣ индивидуализируетъ типы и положенія, которые изображаетъ; посредствомъ индивидуальностей безъ плоти и крови и, слѣдовательно неизмѣнныхъ и безсмертныхъ, созданныхъ волею художника, искусство говоритъ нашему уму о живыхъ, реальныхъ индивидуальностяхъ, которыя появляются и исчезаютъ передъ нашими глазами. Искусство, въ этомъ смыслѣ. есть жертвоприношеніе преходящей, ускользающей, но реальной жизни на алтарь вѣчной абстракціи.

Наука также неспособна охватить индивидуальность человѣка, какъ и индивидуальность кролика. Не потому, чтобы ей былъ совершенно чуждъ принципъ индивидуализма; напротивъ, она въ совершенствѣ понимаетъ индивидуализмъ именно какъ принципъ, но не какъ фактъ: съ точки зрѣнія науки всѣ виды животныхъ, включая и человѣческій родъ не имѣютъ реальнаго существованія внѣ извѣстнаго числа опредѣленныхъ индивидовъ, рождающихся и умирающихъ, чтобы дать мѣсто новымъ индивидамъ, такимъ же преходящимъ. Наука знаетъ, что по мѣрѣ перехода изъ низшихъ видовъ къ высшимъ, принципъ индивидуальности проявляется все съ большей интенсивностью, индивиды становятся все болѣе сложными, болѣе свободными и болѣе совершенными. Наука знаетъ, что человѣкъ, послѣднее и самое совершенное животное на землѣ, что онъ представляетъ наиболѣе полную и исключительную индивидуальность, вслѣдствіе его способности понимать и руководствоваться въ своей общественной и частной жизни законами природы. Наука знаетъ, наконецъ, если только она не развращена теологическимъ, метафизическимъ, политическимъ, или юридическимъ доктринерствомъ, если она не отупѣла отъ профессіональнаго самомнѣнія, если она не глуха къ инстиктамъ и стремленіямъ жизни,—она знаетъ (и это ея послѣднее слово), что уваженіе къ человѣку есть высшій законъ человѣчества и великая реальная цѣль исторіи, а единственная законная цѣль науки есть гуманизація и эмансипація жизни, а также свобода и благоденствіе каждаго индивида, живущаго въ обществѣ. И потому, если мы не хотимъ отступить

назадъ, къ губительнымъ для свободы мечтамъ о благосостоянiи общества подъ сѣнью государства, мечтамъ, всегда основаннымъ на систематическомъ принесенiи народа въ жертву правительству, мы должны ясно сознать, что коллективная свобода и благосостоянiе существуютъ лишь постольку, поскольку они представляютъ сумму индивидуальныхъ свободъ и индивидуальныхъ благосостоянiй.

Наукѣ извѣстны всѣ эти истины, но она не можетъ стать по ту сторону ихъ. Такъ какъ абстракцiя составляетъ истинную природу науки, то она можетъ довольно хорошо понимать принципъ реальной и живой индивидуальности, но не можетъ имѣть дѣла съ реальными и живыми индивидами; она занимается индивидами вообще, а не Петромъ или Яковомъ, не такимъ-то или такимъ-то, который самъ по себѣ для науки не существуетъ. Индивиды, какъ предметъ науки, повторяю, суть только абстракцiи.

А между тѣмъ исторiя дѣлается не отвлеченными индивидуальностями, но живыми и дѣйствующими индивидами. Отвлеченности двигаются впередъ, только когда ихъ подталкиваютъ реальные люди. Для этихъ существъ, живущихъ не въ идеѣ только, а въ дѣйствительности, и состоящихъ изъ плоти и крови, наука является мачихой; она смотритъ на нихъ самое большее какъ на матерiалъ для интеллектуальнаго и соцiальнаго развитiя. Какое ей дѣло до исключительныхъ условiй жизни и судьбы Петра или Якова? Она сдѣлалась бы смѣшной, унизила бы свой санъ, уничтожила бы себя, если бы вздумала интересоваться ими иначе какъ примѣрами для подтвержденiя ея вѣчныхъ теорiй. И смѣшно было бы желать, чтобы она поступала такъ, потому что она повинуется своимъ собственнымъ зако-

намъ. Она не можетъ схватывать конкретное; она можетъ оперировать только съ абстракціями. Ея назначеніе—въ изслѣдованіи положенія и общихъ условій жизни и развитія или человѣческаго рода вообще, или какой нибудь расы, какого-нибудь народа отдѣльнаго класса или категоріи индивидовъ; въ изслѣдованіи общихъ причинъ ихъ благосостоянія, ихъ упадка, и въ открытіи наилучшихъ методовъ упроченія ихъ прогресса и благосостоянія всѣми возможными способами. Если только она выполняетъ этотъ трудъ широко и раціонально, то она вполнѣ исполняетъ свой долгъ, и было бы поистинѣ несправедливо ожидать или требовать отъ нея большаго; было бы нелѣпо и прямо таки опасно навязывать ей миссію, выполненіе которой противно самой ея природѣ, заставляющей ее игнорировать личное существованіе и судьбу Петра или Якова. Если бы патентованные представители науки, люди обыкновенно далеко не отвлеченные, но наоборотъ, ведушіе зачастую очень активную жизнь и имѣющіе очень реальные интересы, обратили бы, паче чаянія, свое непосредственное вниманіе на конкретныхъ Петровъ и Ивановъ, то мы нисколько не удивились бы, если бы они принялись стричь, а при случаѣ и сдирать шкуру съ своихъ близкихъ, во имя науки совершенно также, какъ ихъ стригли и обдирали до тѣхъ поръ священники, законники и политики всякаго рода во имя Бога, государства и правоваго порядка.

То, что я проповѣдую, есть такимъ образомъ до нѣкоторой степени протестъ жизни противъ науки, или если можно такъ выразиться, противъ наукокластія; но я дѣлаю вовсе не для того, чтобы уничтожить науку,—это было бы низкой измѣной человѣчеству,—а лишь для того, чтобы водворить науку

на ея мѣсто съ тѣмъ, чтобы она никогда больше не покидала его. До сихъ вся исторія человѣчества была постояннымъ и кровавымъ жертвоприношеніемъ милліоновъ бѣдныхъ человѣческихъ существъ въ честь какой-нибудь безжалостной отвлеченности, Бога, отечества, государственной власти, національной чести, историческихъ и юрическихъ правъ общественной свободы и благосостоянія. Таково было во всѣ времена естественное, самопроизвольное и неизбѣжное движеніе человѣческихъ обществъ. Мы не можемъ передѣлать этого. Прошедшее — внѣ нашей власти, и намъ ничего не остается, какъ принять его какъ роковое и неизбѣжное. Намъ ничего не остается, какъ вѣрить, что пройденный путь былъ единственнымъ возможнымъ путемъ для воспитанія человѣческой расы. Поэтому мы не должны обманывать себя: какъ бы ни было велико значеніе, приписываемое нами макіавелевскимъ ухищреніямъ правящихъ классовъ, мы все же должны признать, что никакое меньшинство не было бы достаточно могущественно, чтобы принудить народныя массы принести всѣ тѣ ужасныя и неисчислимыя жертвы, которыя были принесены на протяженіи исторіи, если бы въ самыхъ массахъ не было безразсуднаго, самопроизвольнаго движенія, которое толкало ихъ къ постоянному самопожертвованію во имя то одной, то другой изъ этихъ пожирающихъ абстракцій, этихъ вампировъ исторіи, всегда питавшихся человѣческой кровью.

Эта пагубная тенденція, коренящаяся въ глубинахъ народной массы, сослужила неоцѣненную службу теологамъ, политикамъ и юристамъ, этимъ патентованнымъ жрецамъ, питающимся народными массами. Не удивительно, что и метафизики, съ своей стороны, не преминули примазаться къ власть имущимъ и стали оправдывать и раціонализировать на сколько возможно все не-

справедливое и нелѣпое. И даже сама положительная наука,—как ни прискорбно въ этомъ сознаться, - выказала такія же тенденціи. Послѣднее объясняется двумя причинами: во-первыхъ, большинство представителей позитивной науки принадлежитъ къ привилегированнымъ классамъ, и во-вторыхъ, потому что многіе ученые, преисполненные профессіональной гордости, трактуютъ науку какъ абсолютную и окончательную цѣль всего человѣческаго развитія. Я надѣюсь, что путемъ самокритики, которую она можетъ и въ концѣ концовъ должна будетъ приложить къ самой себѣ, позитивная наука пойметъ, что она во всемъ своемъ составѣ не болѣе какъ средство для осуществленія гораздо болѣе высокой цѣли,—полной гуманизаціи всѣхъ реальныхъ индивидовъ, рождающихся, живущихъ и умирающихъ на землѣ.

---

* *
*

Огромное преимущество позитивной науки надъ теологіей и метафизикой, надъ политикой и правомъ, состоитъ въ томъ, что вмѣсто лживыхъ и пагубныхъ отвлеченностей, выставляемыхъ этими дисциплинами, она опирается на истинныя абстракціи, которыя выражаютъ общую природу и логику вещей, ихъ дѣйствительныя соотношенія и общіе законы ихъ развитія. Это навсегда упрочитъ за наукой привилегированное положеніе въ обществѣ; она является въ нѣкоторомъ смыслѣ, коллективнымъ сознаніемъ общества. Но есть одинъ пунктъ, въ которомъ позитивная наука походитъ на всѣ предшествовавшія ей дисциплины: такъ какъ ея единственная цѣль—абстракція, то она принуждена въ силу своей природы игнорировать реальныхъ людей, помимо которыхъ не имѣютъ права на существованіе самыя истинныя абстракціи. Чтобы исправить этотъ радикальный дефектъ, наука будущаго будетъ дѣйствовать методомъ, различнымъ отъ того, которому слѣдовали науки прошедшаго. Послѣднія пользовались невѣжествомъ массъ и съ сладострастіемъ приносили ихъ въ жертву своимъ абстракціямъ, которыя, такимъ образомъ, становились очень доходными для ихъ представителей во плоти и крови. Позитивная наука, признавая свою полную неспособность понимать реальныхъ индивидовъ и интересоваться ихъ судьбой, должна рѣшительно и абсолютно отказаться отъ всякихъ притязаній на управленіе обществомъ; потому что если бы она вмѣшалась въ него, то постоянно приносила бы живыхъ людей, которыхъ она не знаетъ, въ жертву абстракціямъ которыя представляютъ единственный предметъ ея законнаго вѣдѣнія.

Научной исторіи, напримѣръ, не существуетъ еще до сихъ поръ, и въ настоящее время едва только начинаютъ обрисовы-

ваться ея основныя тенденціи. Но предположимъ, что она была бы вполнѣ развита; что дала бы она намъ? Въ лучшемъ случаѣ, она дала бы намъ вѣрную и раціональную картину всѣхъ историческихъ обществъ, картину естественнаго развитія общихъ условій ихъ существованія, матеріальныхъ и духовныхъ, экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ, религіозныхъ, философскихъ, эстетическихъ и научныхъ. Но эта универсальная картина человѣческой цивилизаціи, какъ бы она ни была детальна, никогда не могла бы обнять собою ничего, лежащаго внѣ общихъ и, слѣдовательно, отвлеченныхъ условій. Милліарды индивидовъ, давшихъ живой и страдающій матеріалъ этой исторіи, торжествующей и въ то же время мрачной,—торжествующей благодаря огромной гекатомбѣ человѣческихъ жертвъ, «раздавленныхъ ея колесницей»,—милліарды безвѣстныхъ индивидовъ, безъ которыхъ не получился бы ни одинъ изъ великихъ отвлеченныхъ результатовъ исторіи и на долю которыхъ не досталось ни одной іоты завоеванныхъ для будущаго благъ,—никогда не найдутъ даже самаго ничтожнаго мѣста въ анналахъ исторіи. Они жили и были раздавлены для блага отвлеченнаго человѣчества, вотъ и все.

Будемъ ли мы порицать за это историческую науку? Это было бы и несправедливо, и смѣшно. Индивидовъ нельзя обнять не только мыслью, но даже и человѣческой рѣчью, которая способна выражать только отвлеченности; нельзя обнять мыслью нынѣ живущихъ индивидовъ сколько нибудь больше, чѣмъ индивидовъ прошедшаго. Поэтому сама соціальная наука, наука будущаго, непременно будетъ продолжать игнорировать ихъ. Все, что мы въ правѣ требовать отъ нея, это—чтобы она указывала намъ вѣрной и надежной рукой общія причины индивидуальнаго страданія; среди этихъ причинъ она должна особенно отмѣтить жертвоприношенія (и до сихъ поръ, увы! столь частыя) живыхъ чувствующихъ индивидовъ во имя отвлеченныхъ обобщеній: въ то же время она должна указать намъ общія условія, необходимыя для реальной эмансипаціи и индивидовъ, живущихъ въ обществѣ. Такова ея миссія, таковы ея предѣлы, внѣ которыхъ приложеніе соціальной науки можетъ быть лишь немощно и пагубно. За этими предѣлами начинаются

доктринерскія и правительственныя претензіи ея патентованныхъ представителей, ея жрецовъ. Пора покончить съ этими первосвященниками, даже если они называютъ себя соціалъ-демократами. Повторяю снова, единственная миссія науки—освѣшать путь. Только жизнь, освобожденная отъ всѣхъ правительственныхъ и доктринерскихъ перегородокъ и пользующаяся полной свободой дѣйствій, можетъ творить.

Какъ разрѣшить это противорѣчіе?

Съ одной стороны, наука необходима для раціональной организаціи общества; съ другой, она неспособна интересоваться всѣмъ живымъ и реальнымъ.

Это противорѣчіе можетъ быть разрѣшено только однимъ путемъ: наука не должна долѣе оставаться внѣ общей жизни, представляемая корпораціей патентованныхъ ученыхъ, но должна пустить корни и распространиться среди массъ. Наука призванная отнынѣ представлять коллективное народное сознаніе, должна на самомъ дѣлѣ сдѣлаться достояніемъ каждаго. Такимъ образомъ, не теряя ничего изъ своего универсальнаго характера, котораго она никогда не можетъ лишиться, не переставъ быть наукой и продолжая интересоваться исключительно общими причинами, общими условіями и закономѣрностью въ отношеніяхъ между индивидами и между вещами, она пуститъ корни въ непосредственной и реальной жизни всѣхъ индивидовъ. Это движеніе въ наукѣ будетъ аналогично религіозному движенію въ началѣ реформаціи, когда нѣкоторые послѣдователи Лютера проповѣдывали, что людямъ не нужно больше священниковъ, что отнынѣ каждый человѣкъ будетъ своимъ собственнымъ священникомъ, благодаря невидимому посредничеству Господа Іисуса Христа, которому удалось наконецъ «поглотить своего добраго Бога».

Но здѣсь рѣчь идетъ не объ Іисусѣ Христѣ, не о добромъ Богѣ, не о политической свободѣ, не о юридическомъ правѣ,—не обо всѣхъ этихъ вещахъ, открытыхъ теологическимъ

или метафизическимъ путемъ и одинаково неудобоваримыхъ для ума. Міръ научной абстракціи не обязанъ своимъ существованіемъ откровенію; онъ присущъ реальному міру и представляетъ его общее и отвлеченное выраженіе; говоря иными словами, онъ образуетъ отдѣльную область, спеціально представленную учеными какъ корпораціей, и въ этомъ случаѣ этотъ идеальный міръ угрожаетъ занять мѣсто милосерднаго Бога по отношенію къ реальному міру, предоставивъ своимъ патентованнымъ представителямъ должности жрецовъ. Вотъ причина, почему необходимо растворить спеціальную организацію ученыхъ во всеобщемъ равномъ для всѣхъ, образованіи, чтобы массы перестали быть стадомъ, которое пасутъ и стригутъ привилегированные жрецы, и взяли бы управленіе своей судьбой въ свои собственныя руки.

Наука, сдѣлавшись достояніемъ каждаго, вплетется, въ извѣстномъ смыслѣ, въ непосредственную и реальную жизнь каждаго. Она выиграетъ въ пользѣ и пріятности то, что потеряетъ въ гордости, честолюбіи и доктринерскомъ педантизмѣ. Это не помѣшаетъ однако талантливымъ людямъ, болѣе способнымъ къ научнымъ изысканіямъ, чѣмъ большинство ихъ товарищей, посвятить себя исключительно культивированію наукъ и оказывать великія услуги человѣчеству. Только ихъ честолюбіе не будетъ жаждать никакой другой власти и вліянія кромѣ естественнаго вліянія, которое оказываетъ на окружающую среду высшій интеллектъ, и никакой другой награды, кромѣ удовлетворенія благороднаго энтузіазма.

---

* *
*

Но пока массы достигнутъ этой степени образованности, слѣдуетъ ли оставить ихъ подъ управленіемъ людей науки? Конечно нѣтъ. Для нихъ лучше обходиться вовсе безъ науки, чѣмъ позволить ученымъ управлять собою. Первымъ слѣдствіемъ правленія этихъ людей было бы то, что они сдѣлали бы науку недоступной для народа, потому что существующія научныя учрежденія аристократичны. Ученая аристократія, съ практической точки зрѣнія, самая неумолимая, а съ соціальной—самая надменная и оскорбительная, такова же была бы и власть, установленная во имя науки. Подобный режимъ былъ бы способенъ парализовать жизнь и движеніе общества. Ученые, всегда надменные, самодовольные и безсильные, захотѣли бы вмѣшиваться во все, и источники жизни изсякли бы подъ тлетворнымъ дуновеніемъ ихъ абстрактностей.

Повторяю, жизнь, а не наука, творитъ жизнь; самопроизвольная дѣятельность самого народа, одна, можетъ создать свободу. Было бы несомнѣнно очень счастливымъ обстоятельствомъ, если наука могла уже съ нынѣшняго дня освѣтить самостоятельное шествіе народа къ своему освобожденію. Но лучше отсутствіе свѣта, чѣмъ дрожащій и невѣрный свѣтъ, только сбивающій съ толку тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ. Не напрасно народъ прошелъ долгое историческое поприще и заплатилъ вѣками бѣдствій за свои заблужденія. Сохранившійся въ народной памяти имперический перечень его мучительныхъ опытовъ составляетъ родъ традиціонной науки, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не менѣе цѣнна, чѣмъ теоретическая наука. Тѣ изъ буржуазныхъ студентовъ, которые чувствуютъ достаточно ненависти къ лживости, лицемѣрію, несправедливости и трусости буржуазіи, чтобы найти мужество повернуться къ

ней спиною, и достаточно темперамента, чтобы открыто стать на сторону справедливаго и гуманнаго дѣла пролетаріата,—эти юноши, какъ я уже сказалъ, и будутъ наставниками народа, братски относящимися къ нему; и благодаря имъ устранится возможность власти и правленія ученыхъ.

Если народъ будетъ остерегаться правленія ученыхъ, то тѣмъ болѣе онъ будетъ остерегаться правленія вдохновенныхъ идеалистовъ.

Чѣмъ искреннѣе жрецы неба и ихъ послѣдователи, тѣмъ они опаснѣе. Научная абстрактность, какъ я уже сказалъ, есть абстрактность раціональная, вѣрная въ своей сущности, необходимая для жизни, теоретическое представленіе или сознаніе которой она составляетъ. Она можетъ, она должна быть поглощаема и направляема жизнью. Идеалистическая абстрактность, Богъ, есть губительный ядъ, разрушающій, фальсифицирующій и убивающій жизнь. Гордость ученыхъ, будучи ни чѣмъ инымъ, какъ личнымъ притязаніемъ, можетъ быть согнута и сломлена. Гордость идеалистовъ, будучи не личной, а божественной, нетерпима и неумолима; она можетъ только умереть, но никогда не уступитъ, и до послѣдняго издыханія будетъ стараться подчинить человѣка своему Богу. Результатомъ вѣры всегда бываетъ рабство и въ то же время торжество самаго грубаго и безобразнаго матеріализма.

* *
*

Человѣкъ, подобно всему живому въ природѣ, существо вполнѣ матеріальное. Умъ, способность мыслить, воспринимать различныя внѣшнія и внутреннія впечатленія, рефлектировать на нихъ, вспоминать ихъ, когда они прошли, воспроизводить ихъ воображеніемъ, находить въ нихъ сходство и различіе, составлять отвлеченныя опредѣленія, общія для нихъ, создавать, такимъ образомъ, общія понятія и, наконецъ, способность формулировать, классифицировать и комбинировать эти понятія, согласно различнымъ методамъ,—интеллектъ, однимъ словомъ, единственный создатель всего нашего идеальнаго міра,—есть свойство животнаго тѣла, и, главнымъ образомъ, мозгового механизма. Мы знаемъ это навѣрное, по опыту всѣхъ, которому никогда не противорѣчилъ ни одинъ фактъ, и который каждый человѣкъ можетъ провѣрить въ каждый моментъ своей жизни. Во всѣхъ животныхъ не исключая и самыхъ низшихъ видовъ, мы находимъ извѣстную степень интеллекта, и замѣчено, что въ ряду видовъ умъ животныхъ развивается пропорціонально тому, насколько организмъ даннаго вида приближается къ организму человѣка; но только въ человѣкѣ онъ достигаетъ той способности и силы отвлеченія, которыя собственно и составляютъ мысль.

Универсальный опытъ *) единственное начало и источникъ всего нашего знанія, показываетъ намъ, что всякій интеллектъ всегда связанъ съ какимъ-нибудь животнымъ тѣломъ, и что сила и интенсивность животныхъ функцій зависитъ отъ относитель-

---

*) Универсальный опытъ, на которомъ зиждется вся наука, долженъ быть ясно отличаемъ отъ универсальной вѣры, при посредствѣ которой идеалисты желаютъ поддерживать свои заблужденія. Первый—это подлинное констатированіе фактовъ; вторая—только предположеніе фактовъ, которыхъ никто не видѣлъ и которые, слѣдовательно, находятся въ разладѣ съ опытомъ каждаго.

ной сложности и совершенства организма. Этотъ результатъ универсальнаго опыта приложимъ въ одинаковой мѣрѣ не только къ различнымъ животнымъ видамъ, но и къ людямъ: интеллектуальная и моральная сила послѣднихъ такъ очевидно связана съ большей или меньшей степенью совершенства ихъ организма въ зависимости отъ расы, націи, класса и индивидуальности, что нѣтъ надобности останавливаться на этомъ пунктѣ *). Съ другой стороны, извѣстно, что ни одинъ человѣкъ никогда не видѣлъ

---

*) Идеалисты, то есть всѣ тѣ, кто вѣритъ въ нематеріальность и безсмертіе человѣческой души, должны быть чрезвычайно смущены интеллектуальнымъ различіемъ, существующимъ между отдѣльными расами, народами и индивидами, Если мы предположимъ, что частицы божества были распредѣлены неравномѣрно, то чѣмъ объяснить эту неравномѣрность? Къ несчатію, существуетъ значительное количество людей совершенно глупыхъ, тупыхъ до идіотизма. Какъ могло случиться, что при раздачѣ частицъ божественной души они получили на свою долю частицу въ одно и то же время и божественную, и глупую? Чтобы избѣжать этого затрудненія, идеалисты должны непремѣнно допустить, что всѣ человѣческія души равны, но что тюрьмы, въ которыхъ онѣ заключены, человѣческія тѣла, неодинаковы; нѣкоторыя изъ нихъ болѣе способны, чѣмъ другія, служить выраженіемъ чистой духовной интеллектуальности. Согласно этому ученію, одинъ человѣкъ можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи очень утонченные органы, а другой—очень грубые. Но съ подобными различіями идеализмъ не можетъ оперировать, не впадая въ непослѣдовательность и грубѣйшій матеріализмъ, потому что передъ лицемъ абсолютной нематеріальности души должны исчезнуть всѣ тѣлесныя различія; все тѣлесное, матеріальное должно непремѣнно являться безразличнымъ, одинаково и абсолютно грубымъ. Пропасть, раздѣляющая душу отъ тѣла, абсолютную нематеріальность отъ абсолютной матеріальности, безконечна. Отсюда должно бы слѣдовать, что всѣ различія, существующія по другую сторону пропасти, ничтожны для души и не могутъ оказывать на нее ни какого вліянія. Однимъ словомъ, абсолютно нематеріальное не можетъ быть удерживаемо, заключаемо, а тѣмъ болѣе въ той или другой мѣрѣ выражаемо абсолютно матеріальнымъ. Изъ всѣхъ грубыхъ и матеріалистическихъ (по толкованію идеалистовъ, слово матеріалистическій однозначуще съ грубымъ вульгарнымъ) измышленій, порожденныхъ примитивнымъ невѣжествомъ и глупостью людей, самое грубое и нелѣпое—это сказка о нематеріальной душѣ, заключенной въ матеріальномъ тѣлѣ, и ничто съ такой очевидностью не доказываетъ всемогущества древнихъ предразсудковъ даже надъ лучшими умами, чѣмъ то, что люди, одаренные высокой интеллигентностью, до сихъ поръ носятся съ легендой объ этомъ странномъ союзѣ.

и не ощущалъ при посредствѣ какого-нибудь иного органа чувствъ чистаго духа, разъобщеннаго съ матеріальной формой и существующаго отдѣльно отъ какого бы то ни было животнаго тѣла. Но если никто не видѣлъ его, какимъ образомъ явилась у людей вѣра въ его существованіе? Фактъ этого вѣрованія несомнѣненъ, и если не универсаленъ, какъ думаютъ идеалисты, то, по крайней мѣрѣ, очень распространенъ и, какъ таковой, вполнѣ достоинъ нашего особеннаго вниманія. Общераспространенное вѣрованіе, какъ бы оно ни было глупо, имѣетъ слишкомъ могущественное вліяніе на судьбу людей, чтобы мы могли его игнорировать, не доискавшись его причинъ.

Объясненіе даннаго вѣрованія довольно раціонально и не представляетъ особыхъ трудностей. На примѣрѣ дѣтей и подростковъ и даже многихъ людей, давно достигшихъ совершеннолѣтія, мы видимъ, что человѣкъ начинаетъ пользоваться своими умственными способностями задолго до того, когда онъ можетъ дать себѣ отчетъ, какимъ образомъ онъ ими пользуется. Во время безсознательной работы наивнаго и легковѣрнаго ума человѣкъ, подавленный внѣшнимъ міромъ, побуждаемый тѣмъ вѣчнымъ подстрекателемъ, который зовется жизнью, съ ея безчисленными потребностями, создаетъ множество вымысловъ, понятій и идей, очень несовершенныхъ вначалѣ и лишь слегка соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ вещамъ и фактамъ, которые они стараются выразить. Не имѣя еще сознанія работы своего собственнаго ума, не зная еще, что онъ самъ создалъ и продолжаетъ создавать эти вымысы, эти понятія, эти идеи, не сознавая ихъ вполнѣ субъективнаго, то-есть человѣческаго, происхожденія, примитивный человѣкъ необходимо долженъ смотрѣть на нихъ какъ на объективныя, реальныя существа, вполнѣ независимыя отъ него, существующія сами по себѣ и сами въ себѣ.

Вотъ какимъ образомъ случилось, что первобытные народы, понемногу выходя изъ своей животной примитивности, создали своихъ боговъ. Создавъ ихъ и не подозрѣвая, что они сами были истинными творцами, они стали поклонятся имъ; смотря на нихъ, какъ на реальныя существа, безконечно болѣе

возвышенныя, чѣмъ они сами, они приписали имъ всемогущество и признали себя ихъ твореніями, ихъ рабами. По мѣрѣ того какъ развивалось человѣчество боги, всегда бывшіе ничѣмъ инымъ, какъ фантастическимъ, идеальнымъ и поэтическимъ его отраженіемъ, также идеализировались. Грубые фетиши въ началѣ, они постепенно сдѣлались чистыми духами, существующими внѣ видимаго міра, и наконецъ, съ теченіемъ исторіи, слились въ Единое Божественное Существо, въ чистаго вѣчнаго абсолютнаго Духа, творца и владыку міровъ.

* *
*

Въ каждомъ развитіи, истиннымъ или ложномъ, реальномъ или воображаемомъ, коллективномъ или индивидуальномъ, труденъ только первый шагъ, первый актъ. Разъ этотъ шагъ сдѣланъ, дальнѣйшее развитіе идетъ естественно, какъ необходимое его слѣдствіе.

Труднымъ шагомъ въ историческомъ развитіи этого ужаснаго религіознаго сумасшествія, которымъ мы продолжаемъ быть одержимы, была постановка божественнаго міра, какъ таковаго, внѣ міра реальнаго. Этотъ первый актъ безумія, естественный съ физіологической точки зрѣнія и, слѣдовательно, необходимый въ исторіи человѣчества, не былъ плодомъ внезапной импровизаціи. Не знаю, сколько столѣтій потребовалось, чтобы утвердить это вѣрованіе и установить его господство надъ соціальными обычаями людей; но, однажды установленное, оно сдѣлалось всемогущимъ, какимъ непремѣнно дѣлается безуміе, разъ оно овладѣваетъ человѣческимъ мозгомъ. Возьмите сумасшедшаго,—каковъ бы ни былъ пунктъ его помѣшательства,—и вы увидите, что смутная и навязчивая идея, которая овладѣла имъ, кажется ему самой стественной вещью въ мірѣ, и что, наоборотъ, реальныя вещи, противорѣчащія этой идеѣ, кажутся ему нелѣпымъ и ненавистнымъ безуміемъ. Религія есть коллективное сумасшествіе, тѣмъ болѣе могущественное, что оно традиціонно, и что происхожденіе его затерялось въ самой отдаленной древности. Какъ коллективное безуміе, она проникла въ

самую глубину общественной и частной жизни народовъ; она воплотилась въ обществѣ; она сдѣлалась, такъ сказать, коллективной душой и мыслью. Каждый человѣкъ окруженъ религіознымъ ритуаломъ съ самаго рожденія; онъ всасываетъ религію съ молокомъ матери, впитываетъ ее со всѣмъ, къ чему онъ прикасается, что видитъ. Онъ такъ исключительно проникнутъ, такъ отравленъ ею во всемъ своемъ существѣ, что позднѣе, какъ бы силенъ ни былъ его природный умъ, онъ долженъ дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы освободиться отъ нея, но и при всѣхъ усиліяхъ это ему никогда вполнѣ не удается.

Какъ только сверхъестественный божественный міръ прочно утвердился въ воображеніи народовъ, развитіе разнообразныхъ религіозныхъ системъ послѣдовало естественнымъ и логическимъ теченіемъ, во всемъ сообразуясь впрочемъ съ современнымъ развитіемъ экономическихъ и политическихъ отношеній, который во всѣ вѣка находили въ религіозной фантазіи свое вѣрное отраженіе и божественную санкцію. Такимъ образомъ, коллективное историческое безуміе, которое называется религіей, начавшись съ фетишизма, прошло всѣ стадіи отъ политеизма до христіанскаго монотеизма.

Вторымъ шагомъ въ развитіи религіозныхъ вѣрованій, несомнѣнно наиболѣе труднымъ послѣ установленія потусторонняго божественнаго міра, былъ именно этотъ переходъ отъ политеизма къ монотеизму, отъ религіознаго матеріализма язычниковъ къ спиритуалистической вѣрѣ христіанъ. Языческіе боги,—и это ихъ главная характеристическая черта,—были исключительно національными богами. Очень многочисленные, они въ значительной мѣрѣ сохранили матеріальный характеръ, или, лучше сказать, они были такъ многочисленны потому, что были матеріальны, такъ какъ разнообразіе—одно изъ свойствъ реальнаго міра. Языческіе боги не были строгимъ отрицаніемъ реальныхъ вещей; они были только фантастическимъ преувеличеніемъ ихъ.

Мы знаемъ, какъ труденъ былъ для еврейскаго народа этотъ переходъ отъ многобожья къ единобожью, составляющій, такъ сказать, всю его исторію. Напрасно Моисей и его пророки

проповѣдовали единаго Бога; народъ постоянно снова и снова впадалъ въ свое первобытное идолопоклонство, возвращался къ древней и гораздо болѣе естественной вѣрѣ во многихъ добрыхъ и злыхъ боговъ, матеріальныхъ, человѣческихъ, осязаемыхъ. Самъ Егова, ихъ единый богъ, богъ Моисея и пророковъ, былъ все еще въ высшей степени національнымъ богомъ, назначеніе котораго состояло лишь въ томъ, чтобы награждать и наказывать своихъ вѣрныхъ послѣдователей, свой избранный народъ, руководствуясь матеріальными аргументами, зачастую глупыми и всегда грубыми и жестокими. Вѣра въ его существованіе, повидимому, даже не отрицала существованія прежнихъ боговъ. Еврейскій богъ не отрицалъ существованія своихъ соперниковъ, онъ просто не желалъ, чтобы его народъ поклонялся другимъ богамъ на ряду съ нимъ. Егова былъ ревнивый Богъ. Его первая заповѣдь была такова: „Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будетъ тебѣ бози иніи, развѣ мене“.

Егова былъ, такимъ образомъ, первымъ матеріальнымъ и очень грубымъ наброскомъ новѣйшаго идеализма. Онъ былъ только національнымъ богомъ, подобно славянскому богу, которому поклоняются генералы, покорные и терпѣливые поданные императора всероссійскаго; подобно германскому богу, провозглашенному піетистами и нѣмецкими генералами, подданными Вильгельма I въ Берлинѣ. Между тѣмъ Высшее Существо не можетъ быть національнымъ богомъ; Оно должно быть богомъ всего человѣчества. Не можетъ также Высшее Существо быть существомъ матеріальнымъ; Оно должно быть отрицаніемъ всякой матеріи, чистымъ духомъ.

* * *

Двѣ вещи оказались необходимыми для реализаціи поклоненія Высшему Существу: 1) отрицаніе національностей и національныхъ формъ поклоненія и 2) развитіе метафизическихъ идей для одухотворенія грубаго іудейскаго Еговы.

Первое условіе было выполнено римлянами,—хотя несомнѣнно очень отрицательнымъ способомъ,—посредствомъ заво-

еванія большинства странъ, извѣстныхъ древнимъ, и посредствомъ разрушенія ихъ національныхъ учрежденій. Имъ мы обязаны установленіемъ алтаря единаго высшаго бога на развалинахъ тысячъ другихъ алтарей. Боги всѣхъ завоеванныхъ націй, собранные въ Пантеонѣ, взаимно уничтожали другъ друга. Что касается второго условія, одухотворенія Еговы, то оно было осуществлено греками задолго до завоеванія ихъ страны римлянами. Греція, въ началѣ своей исторіи, получила уже отъ востока міръ боговъ, который былъ окончательно установленъ въ традиціонной вѣрѣ ея народовъ. Еще въ доисторическій періодъ, она развила и удивительно гуманизировала этотъ божественный міръ черезъ посредство своихъ поэтовъ, и когда началась ея исторія, она уже имѣла готовую религію, наиболѣе симпатичную и благородную изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ религій, поскольку вообще религія т. е. ложь можетъ быть благородна и симпатична. Ея великіе мыслители,—а не одна страна не имѣетъ болѣе великихъ, чѣмъ Греція,—выступившіе впослѣдствіи на арену исторіи, нашли божественный міръ установленнымъ не только внѣ ихъ, въ народѣ, но также и въ самихъ себѣ, въ видѣ привычки мыслить и чувствовать извѣстнымъ образомъ, и конечно приняли эту привычку за исходную точку. То, что они не создали никакой теологіи т. е. не теряли времени на напрасныя попытки примирить нелѣпости того или другого бога съ логикой пробуждающагося разсудка, какъ это дѣлали средневѣковые схоластики, уже много говоритъ въ ихъ пользу. Они просто оставили народныхъ боговъ внѣ сферы своего размышленія и непосредственно обратились къ идеѣ, божества единаго, невидимаго, всемогущаго и вѣчнаго, къ идеѣ абсолютно спиритуалистической и безличной. Такимъ образомъ, греческіе метафизики гораздо болѣе, чѣмъ евреи, были творцами христіанскаго бога. Евреи только прибавили къ нему грубую личность своего Еговы.

Тотъ фактъ, что величайшій геній античнаго міра, равный богамъ, Платонъ былъ совершенно убѣжденъ въ реальности божественной идеи, показываетъ намъ, какъ заразительна какъ всемогуща традиція религіозной маніи даже для величайшихъ умовъ. Впрочемъ это не должно особенно удивлять насъ,

такъ какъ даже въ наши дни величайшій философскій геній, когда либо существовавшій со временъ Аристотеля и Платона, Гегель, пытался снова возвести ихъ на трансцендентальный или небесный тронъ божественной идеи, объективность которыхъ Кантъ разрушилъ своей критикой, къ несчастію, несовершенной и слишкомъ метафизической. Правда, что Гегель принялся за свой трудъ реставраціи такимъ неполитичнымъ образомъ, что навсегда убилъ милосерднаго Бога. Онъ отнялъ у этихъ идей ихъ божественный характеръ, показавъ каждому, кто захочетъ читать его, что онѣ были ничѣмъ инымъ, какъ созданіемъ человѣческаго ума, пробѣгающимъ по исторіи въ поискахъ самого себя. Чтобы положить конецъ всему религіозному безумію и божественному миражу, ему оставалось сказать только то послѣднее слово, которое было сказано уже послѣ него, почти одновременно, двумя великими мыслителями, никогда не слыхавшими другъ о другѣ,—Людвигомъ Фейербахомъ, ученикомъ и разрушителемъ Гегеля, и Огюстомъ Контомъ, основателемъ положительной философіи во Франціи: „Метафизики сведены къ психологіи“ то-есть всѣ метафизическія системы были ничто иное, какъ человѣческая психологія, развивающаяся въ исторіи.

* *
*

Въ настоящее время не трудно уже понять, какимъ образомъ зародились божественныя идеи, какъ онѣ были созданы способннстью человѣка къ отвлеченнымъ понятіямъ. Но во времена Платона знать это было невозможно. Коллективный умъ того времени, а также слѣдовательно, и ндивидуальный умъ величайшихъ геніевъ не созрѣлъ еще для этого. Правда, тогда уже самопознаніе было объявлено Сократомъ основой мудрости: („Познай самого себя“). Но это самопознаніе существовало только въ воображеніи философа, въ дѣйствительности оно было—ничто. Послѣ Платона наблюдается обратное движеніе ума, отъ религіозной метафизики къ позитивизму. Аристотель истинный отецъ науки и позитивной философіи, не отрицалъ божественнаго міра, но и не интересовался имъ, стараясь какъ можно меньше его касаться. Послѣ него александрійскіе греки

основали первую школу положительныхъ наукъ. Они были атеистами, но ихъ атеизмъ не оставилъ слѣда на ихъ современникахъ. Наука уже тогда стремилась, все больше и больше отдѣлиться отъ жизни.

Другая школа, несравненно болѣе влiятелная, была основана также въ Александрiи. Это была школа неоплатониковъ. Послѣдователи этой школы, смѣшавъ чудовищныя фантазiи Востока съ идеями Платона, были истинными предтечами христiанства, а позднѣе создателями и пропагандистами христiанскихъ догматовъ.

Такимъ образомъ, личный и грубый эгоизмъ Еговы, не менѣе жестокое и грубое владычество Римлянъ и метафизически-идеальныя размышленiя грековъ были тремя историческими элементами, изъ которыхъ сложилось христiанство.

Богъ, вознесенный надъ нацiональными различiями всѣхъ странъ, и въ извѣстномъ смыслѣ являющiяся ихъ прямымъ отрицанiемъ, долженъ непремѣнно быть существомъ нематерiальнымъ и отвлеченнымъ. Но, какъ уже мы сказали, вѣра въ существованiе подобнаго бога—вещь такая трудная, что она не могла сразу войти въ жизненный обиходъ народа. Предварительно она прошла долгiй подготовительный путь развитiя въ творенiяхъ греческихъ метафизиковъ, впервые установившихъ философскимъ образомъ понятiе о божественной идеѣ, единой и множественной въ одно и то же время, объединяющей собою мирiады идей—типовъ, реальнымъ воспроизведенiемъ которыхъ и является видимый мiръ. Но божество, созданное гречсской философiей, было божествомъ безличнымъ, чуждымъ сознанiю неразвитыхъ народныхъ массъ; а такъ какъ никакой логическiй и серьезный метафизикъ не былъ способенъ подняться, или лучше сказать, спуститься до идеи личнаго бога, то пришлось поискать подходящаго бога гдѣ-нибудь на сторонѣ, и онъ былъ найденъ въ грубой, себялюбивой и жестокой личности Еговы, нацiональнаго бога евреевъ, который къ тому же былъ одинъ и въ то же время три. Между тѣмъ евреи, несмотря на тотъ исключительный нацiональный духъ, которымъ они отличаются даже и въ настоящее время, сдѣлались фактически задолго до

рожденія Христа самымъ интернаціональнымъ народомъ въ мірѣ. Часть ихъ была уведена въ плѣнъ; другая, гораздо большая, разсѣялась по всѣму свѣту, побуждаемая той меркантильной страстью, которая составляетъ одну изъ главнѣйшихъ чертъ ихъ характера и до нашихъ дней; такимъ образомъ они разнесли повсюду поклоненіе своему Еговѣ,, которому они оставались тѣмъ болѣе вѣрны, чѣмъ болѣе онъ покидалъ ихъ.

Въ Александріи грозный богъ евреевъ слился съ метафизическимъ божествомъ Платона, и въ результатѣ получился нелѣпый, невещественный, но въ то же время и не духовный Богъ христіанъ.

Чтобы расцвѣтить красками жизни эту новоизобрѣтенную религію, чтобы сдѣлать ее популярной въ широкихъ народныхъ кругахъ, необходимъ былъ живой, самопроизвольный фактъ, реальный образъ пророка, къ личности котораго могло бы быть пріурочено новое ученіе, иначе оно неизбѣжно было бы обречено еще въ теченіе долгихъ столѣтій пребывать достояніемъ единичныхъ метафизиковъ.

* *
*

И искомое было найдено: это было ученіе, страданія и смерть Іисуса Христа. Мы не знаемъ объ этой личности почти ничего фактически достовѣрнаго; все, что намъ разсказываютъ евангелія, такъ противорѣчиво, такъ баснословно, что мы едва можемъ схватить изъ него нѣсколько реальныхъ и жизненныхъ чертъ. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ учителемъ бѣдныхъ, другомъ и утѣшителемъ несчастныхъ, невѣжественныхъ людей, рабовъ и женщинъ, и что послѣдніе его очень любили. Онъ обѣщалъ вѣчную жизнь всѣмъ, кто страдаетъ здѣсь на землѣ, а число ихъ—огромно. Онъ былъ распятъ, какъ важный преступникъ, представителями оффиціальной нравственности и общественнаго порядка того времени. Его ученики и ученики этихъ учениковъ съ успѣхомъ распространяли (благо-

даря завоеваніямъ римлянъ и уничтоженію національныхъ границъ) и пропогандировали евангеліе во всѣхъ странахъ, извѣстныхъ древнимъ. Вездѣ ихъ принимали съ распростертыми объятіями рабы и женщины, два наиболѣе угнетенные, наиболѣе страдающіе, а слѣдовательно и наиболѣе невѣжественные класса древняго міра; даже тѣми немногими прозелитами, которыхъ они пріобрѣли въ привилегированномъ и ученомъ мірѣ, христіанѣ были обязаны вліянію женщинъ. Ихъ самая широкая пропаганда была направлена почти исключительно въ среду несчастныхъ, униженныхъ рабствомъ. Это былъ первый значительный мятежъ пролетаріата. Весь секретъ безпримѣрнаго торжества и широкаго распространенія христіаанства въ томъ и заключался, что оно вызвало къ міру униженныхъ и темныхъ рабовъ; зародись оно въ средѣ просвѣщенныхъ и свободныхъ людей, его существованіе было бы мимолетно, потому что доктрина, преподаваемая апостолами Христа, была слишкомъ нелѣпа съ точки зрѣнія человѣческаго разсудка. Нужно было глубокое недовольство жизнью, томительная жажда сердца и почти абсолютная бѣдность мысли, чтобы обезпечить успѣхъ христіанской нелѣпости, самой чудовищной изъ всѣхъ нелѣпостей.

* *
*

Христіанство было не только отрицаніемъ всѣхъ политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ учрежденій древности; оно было полнымъ извращеніемъ здраваго смысла, всего человѣческаго разсудка. Согласно христіанскому ученію, живое существо, реальный міръ ставились ни во что; вѣрующій приглашался заглянуть по ту сторону существующихъ вещей, даже еще дальше, за послѣднія грани отвлеченности, какихъ только могъ достигнуть человѣческій умъ, за идеи пространства и времени, и въ этихъ трансцендентальныхъ сферахъ абсолютной пустоты и совершенной неподвижности вѣрующему указывалось какая-то caput mortum, безусловно лишенная всякаго содержимаго, и это истинное ничто, этотъ Богъ провозглашался единственнымъ реальнымъ, вѣчнымъ, всемогущимъ существомъ. Реальное

все объявлялось ничѣмъ, а абсолютное Ничто—всѣмъ. Тѣнь становилась субстанціей, а матерія изчезала подобно тѣни *).

Все это было невыразимой дерзостью и нелѣпостью; это было торжество легковѣрной глупости надъ умомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ироніей ума, утомленнаго и разочарованнаго въ честныхъ и серьезныхъ поискахъ истины; это была такъ часто чувствуемая пресыщенными умами потребность стряхнуть мысль и сдѣлаться до дикости глупымъ: Crebo pnia absurdum! „Я не только вѣрю въ абсурдъ, я вѣрю въ него именно и главнымъ образомъ потому, что онъ абсурдъ". Точно также и многіе выдающіеся и просвѣщенные умы нашего времени вѣрятъ въ спиритизмъ, въ вертящіеся столы и —зачѣмъ далеко ходить— вѣрятъ до сихъ поръ въ христіанство, въ идеализмъ, въ Бога.

* * *

Вѣра древняго пролетаріата, какъ и вѣра пролетаріата нашихъ дней, была крѣпка и проста.

Христіанское ученіе опиралось на его сердце, а не на умъ; оно отвѣчало его вѣчнымъ стремленіямъ, его нуждамъ, его страданіямъ, его рабству, а не разсудку, который все еще спалъ и поэтому ничего не могъ знать о логическихъ противорѣчіяхъ въ доказательствахъ бытія Божія. Ему интересно было только знать, когдѣ пробьетъ часъ обѣщаннаго освобожденія, когда наступитъ наконецъ царствіе Божіе. Что касается теологическихъ догматовъ, то они не безпокоили его, потому что онъ ровно въ нихъ ничего не понималъ. Обращенный въ христіанство пролетаріатъ составлялъ его матеріальною, но не интеллектуальную силу.

*) Въ теологическихъ и метафизическихъ системахъ Востока мы также находимъ принципъ отрицанія реальнаго міра во имя идеала и абсолютной абстрактности. Но этотъ принципъ въ восточной теологіи не имѣетъ характера систематическаго, добровольнаго и намѣреннаго отрицанія, характернаго для христіанства. Въ то время, когда зарождались эти системы, міръ человѣческой мысли, воли и свободы не достигъ еще той стадіи развитія, на которой стояла впослѣдствіи греческая и римская цивилизація.

Что касается христіанскихъ догматовъ, то они были разработаны въ цѣломъ рядѣ теологическихъ и литературныхъ трудовъ на церковныхъ соборахъ, главнымъ образомъ, неоплатониками Востока. Греческій умъ палъ такъ низко, что въ седьмомъ столѣтіи христіанской эры, въ эпоху перваго Вселенскаго собора, идея личнаго Бога, чистаго, вѣчнаго и абсолютнаго духа, творца и верхняго владыки, существующаго внѣ насъ, была единодушно принята отцами церкви; какъ логическое слѣдствіе этой абсолютной нелѣпости, стало естественнымъ и необходимымъ вѣрить въ нематеріальность и безсмертіе человѣческой души. Мы видимъ, какъ трудно было даже для отцовъ церкви постичь чистый духъ внѣ какой бы то ни было матеріальной формы, И надо прибавить, что вообще характеръ каждаго метафизическаго и теологическаго аргумента таковъ, что для доказательства одной нелѣпости нужно ссылаться на другую.

Счастливымъ обстоятельствомъ для христіанства было то, что оно встрѣтило міръ рабовъ. Другимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ было вторженіе варваровъ, равнодушныхъ ко всѣмъ теологическимъ и метафизическимъ вопросамъ. Когда ихъ практическое отвращеніе къ идеямъ было преодолѣно, не трудно было теоретически обратить ихъ въ христіаиство. Затѣмъ въ теченіе десяти столѣтій христіанство, вооруженное всемогуществомъ церкви и государства, не имѣвшее никакихъ соперниковъ, могло безпрепятственно развращать, унижать, дѣлать лживыми лучшіе умы Европы. Оно не имѣло соперниковъ, потому что внѣ церкви не было ни мыслителей, ни образованныхъ людей. Оно одно мыслило, одно говорило и писало; оно одно учило. Хотя въ его нѣдрахъ и возникали ереси, онѣ вліяли только на теологическое или практическое развитіе основного догмата, но ни когда на самый догматъ. Вѣра въ Бога, чистаго духа и творца міра, и вѣра въ нематеріальность души оставались неприкосновенными. Это двойное вѣровананіе сдѣлалось идеальнымъ основаніемъ всей цивилизаціи восточной и западной Европы; оно проникло во всѣ учрежденія, во всѣ детали общественной и частной жизни какъ высщихъ классовъ такъ и народныхъ массъ; оно, такъ сказать воплотилось въ нихъ.

* * *

Удивительно ли послѣ этого, что это вѣрованіе живетъ до нашихъ дней, продолжая оказывать свое пагубное вліяніе на такіе избранные умы, какъ Мадзини, Мишле и другіе? Мы видѣли, что первая атака на него была сдѣлана возрожденіемъ свободнаго ума въ пятнадцатомъ столѣтіи, породившемъ такихъ героевъ и мученниковъ, какъ Ванини, Джіордано Бруно и Галилей. Хотя и заглушенная бурными страстями реформаціи, свободная мысль безшумно продолжала свою невидимую работу, завѣщая благороднѣйшимъ умамъ каждаго поколѣнія свой трудъ освобожденія людей путемъ разрушенія абсурда, пока наконецъ во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія она не появилась снова на бѣлый свѣтъ въ лицѣ энциклопедистовъ, смѣло выдвинувшихъ знамя атеизма и матеріализма. Казалось бы, вотъ-вотъ человѣческій умъ освободится наконецъ отъ угнетавшаго его божественнаго навожденія. Ничуть не бывало. Ложь, жертвою которой человѣчество было въ теченіе восемнадцати столѣтій, (говоря только о христіанствѣ), еще разъ оказалась могущественнѣе, чѣмъ истина. Не будучи болѣе въ состояніи пользоваться чернымъ племенемъ, освященными [церковью воронами—католическими и протестанскими священниками, все довѣріе, къ которымъ было потеряно, христіанство обратилось къ свѣтскимъ священникамъ, лжецамъ и софистамъ въ короткомъ платьѣ. Изъ нихъ двое: одинъ—самый софистическій умъ, другой— самая доктринерская, самая деспотическая воля прошлаго столѣтія, — Жанъ Жакъ Руссо и Робеспьеръ,— сыграли самую роковую роль въ исторіи прошлаго столѣтія. Первый былъ пророкомъ доктринерскаго государства, а Робеспьеръ, его достойный и вѣрный ученикъ, пытался на практикѣ осуществить его ученіе и сдѣлаться верховнымъ жрецомъ новой доктрины. Услышавъ фразу Вольтера о томъ, что, если бы Бога не существовало, то его необходимо было бы выдумать, Руссо выдумалъ Высшее Существо, отвлеченнаго и безплоднаго Бога деистовъ. И во имя этого Высшаго Существа Робеспьеръ гильотинировалъ сперва гебертистовъ, а потомъ самого генія

революціи, Дантона, въ лицѣ котораго онъ убилъ республику, приготовивъ такимъ образомъ путь неизбѣжному съ тѣхъ поръ торжеству Наполеона.

* * *

Послѣ великаго отступленія, идеалистическая секція нашла менѣе фанатическихъ, менѣе грозныхъ слугъ, болѣе близкихъ къ измѣльчавшему росту нынѣшней буржуазіи. Во Франціи — Шатобріанъ, Ламартинъ и надо прибавить, Викторъ Гюго, демократъ, республиканецъ и quasi-соціалистъ нашихъ дней, а вслѣдъ за ними цѣлая меланхолическая и сантиментальная компанія убогихъ и блѣдныхъ умовъ, которые подъ предводительствомъ этихъ учителей основали новѣйшую романтическую школу. Въ Германіи—Шлегель, Тикъ, Новались и многіе другіе, имена которыхъ не заслуживаютъ быть упомянутыми.

Литература, созданная этой школой, была царствомъ духовъ и привидѣній. Она не могла выдержать солнечнаго свѣта; только въ полумракѣ могла она жить. Тѣмъ менѣе могла она выдержать грубое соприкосновеніе съ народными массами. Это была литература нѣжныхъ, изысканныхъ аристократовъ, стремящихся къ своему отечеству, небу, и живущихъ на землѣ какъ бы изъ милости. Она питала ужасъ и призрѣніе къ политикѣ и къ вопросамъ дня, и если случайно соприкасалась съ ними, то оказывалась явно реакціоной, держала сторону церкви противъ дерзости свободомыслящихъ, сторону королей противъ народа, и всѣхъ аристократовъ противъ низкой уличной черни.

Ключъ къ пониманію этой романтической литературы надо искать въ превращеніи, которое произошло въ нѣдрахъ европейской буржуазіи со времени революціи 1793 года. Отъ эпохи Возрожденія и реформаціи до революціи, буржуазія была героической представительницей революціоннаго генія исторіи. Изъ нѣдръ ея вышло большинство свободныхъ мыслителей восемнадцатаго столѣтія, религіозные реформаторы двухъ предыдущихъ столѣтій и апостолы человѣческой эманципаціи. Она одна, конечно поддерживаемая могучей рукой народа, сдѣлала

революцію 1789 и 1793 года. Она провозгласила ниспроверженіе королевской власти и церкви, братство народовъ, права человѣка и гражданина. Таковы ея права на славу; они безсмертны! Но революція же произвела въ ней расколъ. Буржуа, скупившіе за безцѣнокъ конфискованныя у аристократовъ имѣнія, разбогатѣвъ и опираясь уже не на городской пролетаріатъ, а на французскихъ крестьянъ, тоже попользовавшихся конфискованными землями, стремились только къ миру, къ возстановленію общественнаго порядка и къ учрежденію сильнаго правительства. Поэтому они съ радостью привѣтствовали диктаторство перваго Бонапарта и, хотя все еще вольтерьянцы, они ничего не имѣли противъ конкордата съ папой и противъ возстановленія оффиціальной церкви во Франціи. „Религія такъ необходима для народа".

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что значительная часть буржуазіи, пресытившись, увидѣла, что для поддержанія ея положенія и для сохраненія ея новопріобрѣтенныхъ имѣній необходимо утишить неутоленный голодъ народа обѣщаніемъ манны небесной. Тогда-то началъ проповѣдовать Шатобріанъ*). Наполеонъ палъ; реставрація вернула Франціи законную монархію. Эта реакція отбросила буржразію назадъ къ революціи, и вмѣстѣ съ революціоннымъ духомъ въ ней пробудился скептицизмъ; она снова сдѣлалась свободомыслящей, отложила въ сторону Шатобріана и снова взялась за Вольтера. Въ іюльскую революцію буржуазія руками пролетаріата опять опрокинула реставрированный режимъ, но когда она вновь захватила власть, для нея стало вопросомъ жизни, какъ отослать пролетаріатъ на свое мѣсто, въ задніе ряды. Слишкомъ цинично было бы прямо сказать, что это необходимо въ интересахъ буржуазіи. Чѣмъ болѣе несправедливы и негуманны чьи-нибудь интересы, тѣмъ болѣе они нуждаются въ высокой санкціи. Гдѣ же найти ее

---

*) Существуетъ очень правдоподобный анекдотъ о томъ, какъ Шатобріанъ принесъ одному издателю произведеніе, заключающее въ себѣ нападки на религію. Издатель обратилъ его вниманіе на тотъ фактъ, что атеизмъ вышелъ изъ моды, что читающая публика не интересуется имъ больше, и что, наоборотъ, есть спросъ на религіозныя сочиненія. Шатобріанъ удалился, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя пришелъ съ „Геніемъ христіанства".

какъ не въ религіи, этой доброй покровительницѣ всѣхъ хорошо упитанныхъ тунеядцевъ и неизмѣнной утѣшительницѣ голодныхъ? И яснѣе чѣмъ когда-либо торжествующая буржуазія увидѣла, что религія необходима для народа.

* * *

Есть только два средства убѣдить народныя массы въ достоинствѣ какого бы то ни было соціальнаго учрежденія. Первое, единственно реальное, но и самое трудное для выполненія, потому что подразумѣваетъ уничтоженіе государства, или, другими словами уничтоженіе организованной политической эксплуатаціи большинства какимъ бы то ни было меньшинствомъ,—состояло бы въ прямомъ и полнымъ удовлетвореніи потребностей и стремленій народа, что было бы равносильно полной ликвидаціи буржуазнаго класса или опять-таки уничтоженію государства. Другое средство, наоборотъ, вредное только для народа и благодѣтельное для буржуазіи, такъ какъ гарантируетъ ея привилегіи, есть не что иное какъ религія, этотъ вѣчный миражъ, который отводитъ массы въ сторону въ поискахъ божественныхъ сокровищъ въ то время, какъ гораздо болѣе хитрый правящій классъ довольствуется раздѣленіемъ между всѣми своими членами—очень неравномѣрно, впрочемъ—земныхъ благъ, награбленныхъ у народа, включая сюда, конечно, его политическую и соціальную свободу.

Нѣтъ и не можетъ быть государства безъ религіи. Возьмите самое свободное въ мірѣ государство—Американскіе Соединенные Штаты, напримѣръ, или Швейцарскій Союзъ—и посмотрите, какую важную роль играетъ во всѣхъ оффиціальныхъ рѣчахъ ихъ представителей божественное Провидѣніе—эта высшая санкція всѣхъ государствъ. И ужъ такъ и знайте: какой бы глава государства ни заговорилъ о Богѣ,—будь онъ императоръ германскій или президентъ Аргентинской республики,—это ужъ съ несомнѣнностью доказываетъ, что онъ опять и опять готовъ стричь свой народъ—стадо.

Такимъ образомъ, когда французская либеральная и вольтерьянская буржуазія, склонившаяся по темпераменту къ пози-

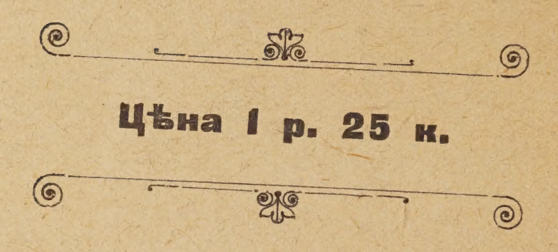
тивизму, (чтобы не сказать—къ матеріализму), до странности грубому и узкому, сдѣлалась въ 1830 году правящимъ классомъ, вопросъ объ установленіи оффиціальной государственной религіи поставилъ ее въ затруднительное положеніе. Возвратъ къ католицизму былъ невозможенъ по причинѣ непримиримаго противорѣчія между властолюбивою политикою Рима и развитіемъ экономическихъ и политическихъ интересовъ средняго класса. Въ этомъ отношеніи протестантизмъ былъ гораздо выгоднѣе. Но для французской буржуазіи было невозможно перейти въ протестантизмъ. Чтобы перейти изъ одной религіи въ другую, необходимо хоть немножко вѣры. Въ исключительно же позитивномъ сердцѣ французской буржуазіи нѣтъ мѣста для вѣры. Она отличается самымъ глубокимъ равнодушіемъ ко всѣмъ вопросамъ, которые не касаются ни ея кармана, во-первыхъ, ни ея общественнаго тщеславія, во-вторыхъ. Она одинаково равнодушна какъ къ протестатизму, такъ и къ католицизму. Казалось, оставался только одинъ путь: возвратиться къ гуманитарной и революціонной религіи восемнадцатаго столѣтія. Но провозглашеніе буржуазнымъ правящимъ классомъ революціонной религіи имѣло бы комическую сторону и грозило бы скандаломъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ колебаній родился доктринерскій деизмъ. Онъ смѣло объявилъ своею цѣлью примиреніе революціи съ реакціей, или, говоря языкомъ этой школы, принципа свободы съ принципомъ власти, и, конечно, къ выгодѣ послѣдней. Это примиреніе означало: въ политикѣ—фокусы съ народной свободой въ пользу господства буржуазіи, представленной монархическимъ и конституціоннымъ государствомъ: въ философіи—сознательное подчиненіе свободнаго разума „вѣчнымъ“ принципамъ вѣры . . . .

. . . .

…ЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Пѣсни и стихотворенія Анархистовъ.

Собостіанъ Форъ. Преступленіе Бога.

Цѣна 1 р. 25 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

МОСКВА, Б. Прѣсня, д. № 21, кв. 3.

ПЕТРОГРАДЪ: Книжный магазинъ „БУНТАРЬ“. Выборгская стор., Безбородкинъ просп., уг. Варваринской.